

Елена Трифоненко

16+



Беру тебя напрокат

Елена Трифоненко
Беру тебя напрокат

«Автор»

2020

Трифоненко Е.

Беру тебя напрокат / Е. Трифоненко — «Автор», 2020

Известный блогер Никита Петров пригласил меня в круиз и предложил сделать вид, будто мы встречаемся. Он говорит, что хочет взбодрить фанатов. А моя сестра считает: он врет и просто поспорил с друзьями, что в круизе затащит меня в постель. Другая на моем месте отказалась бы от сомнительного предложения. Я же слишком сильно люблю приключения. И слишком давно мечтаю отомстить Петрову за одну его подлую выходку. Значит, пришло время паковать чемоданы.

© Трифоненко Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог. Вероника	5
Глава 1. Никита	8
Глава 2. Вероника	18
Глава 3. Никита	29
Глава 4. Вероника	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена Трифоненко

Беру тебя напрокат

Пролог. Вероника

– Ты нам не подходишь, Вероника, – говорит бородач и чуть прищуривается.

Во рту моментально пересыхает, на спине выступают капельки пота.

– Могу я узнать, почему?

Бородач ухмыляется:

– Можешь, конечно. Только тебе все равно эта информация не поможет.

– И все-таки... – слова даются с трудом. – По какому признаку вы меня забраковали?

– Ты слишком занудная.

– Что?

Бородач кладет ноги на стол и обводит взглядом своих коллег:

– Ты не творческая и зажатая. У тебя на лбу написано – «ботаничка».

Я нервно поправляю ворот кипенно-белой блузки и, кажется, краснею. Меня ведь так уже лет шесть никто не называл. И вот опять.

– Кстати, с какой медалью школу окончила? – спрашивает бородач, косясь на мои строгие туфли.

– С золотой, – невольно вырывается у меня. Но лучше было бы, конечно, смолчать.

– А профессия у тебя, стало быть, – учительница начальных классов.

– Нет, – я заискивающе улыбаюсь (в груди поднимается глупая вера, что специальность добавит мне очков). – По диплому я менеджер.

Девушка в кедах, сидящая за столом справа от бородача, тихо хмыкает.

– И диплом, наверное, красный?

– Ага, – я виновато вжимаю голову в плечи.

Бородач смотрит на меня с жалостью:

– А теперь погляди на нас и сравни с собой.

Я киваю и с подобострастием скольжу взглядом по всем, кто сидит сейчас в зале студии, в которую я пришла на собеседование. Так-так! В углу – парень с выбритой наполовину головой, в странной кофте. Хотя постойте! Это не кофта. Это тату, они цветастым полотном покрывают все руки парня и его выглядывающую из футболки шею.

Слева от парня качается на стуле мужчина лет тридцати пяти. В брови у него виднеется какой-то гвоздь. Пока я разглядываю этот самый гвоздь, мужчина переодевает козырьком назад ярко-оранжевую бейсболку и показывает мне язык. На языке у него бултыхается что-то похожее на колокольчик. И еще виднеется налет, ага.

Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не посоветовать мужчине с гвоздем обратиться к гастроэнтерологу. Гастрит – это вам не шутки, но сейчас явно не время для того, чтобы нести просвещение в массы.

– Ну? – торопит меня бородач.

Я торопливо перевожу взгляд на девушку в кедах (ее ноги тоже на столе, а не под ним). Девушка изучает меня в ответ и теребит пальцами в многоярусных кольцах розово-голубые волосы.

– Что скажешь?

– Мой деловой наряд тут не уместен, – вздыхаю я и невольно переступаю с ноги на ногу (сесть мне так и не предложили).

– То-то же! – кивает бородач.

– Но я могу немного подкорректировать имидж.

Все присутствующие обидно ухмыляются.

– Мозги тебе надо подкорректировать, мозги! – вздыхает бородач, а потом почесывает затылок. – Но это ведь невозможно. Пойми: дело не в твоей внешности. Дело в харизме. В качестве портфолио ты прислала ссылку на свой канал на «Ютуб». У тебя там за полтора года накопилось восемьсот подписчиков. Это тебе ни о чем не говорит?

– Надо больше тратить на рекламу, – скорбно признаю я.

– Думаешь, дело в этом? – Бородач приподнимает одну бровь. – Я ознакомился с несколькими твоими видео – и это совсем не то, что мы хотим. Монтаж неплох, но остальное...

– Я готова учиться новому!

Он морщится:

– Харизме не научишься. Она либо есть от природы, либо нет. Ты зажата, ведешь себя перед камерой как диктор советского телевидения. Как будто боишься, что за одно неверно сказанное слово тебя расстреляют.

– Но я ведь претендую на вакансию «видеографа», – мой голос звучит смешно и заискивающе. – Какое значение имеет моя зажатость? Она останется за кадром.

Да уж! Давненько я так не унижалась. Просто мне до чертиков нужна эта работа. Я мечтаю о ней со второго курса универа. Я жить не могу без камеры и съемок!

– Видеограф тоже должен уметь зажать, – поясняет бородач. – А ты своей зажатостью будешь заражать наших клиентов.

Мужчина в оранжевой бейсболке одобряюще кивает.

Я смотрю на них обоих жалостливыми глазами:

– Почему вы не хотите дать мне шанс? Я поработаю над собой. Схожу на какой-нибудь тренинг.

– Не трать время! – мотает головой бородач. – Ну не твое это. В конце концов, в офисе тоже кто-то должен работать.

У меня даже дыхание перехватывает. Все! Это уже край. Я вскидываю подбородок и пронзаю бородача яростным взглядом:

– Вы еще пожалеете, что не взяли меня.

– А-ха-ха! – вся студия взрывается дружным хохотом.

– Да, пожалеете! – повторяю я и пулей вылетаю из студии.

Когда оказываюсь на улице, понимаю, что расстроилась больше, чем следовало. Все будто в тумане, в ушах шумит. А еще у меня такое чувство, будто земля вот-вот уйдет из-под ног. Чтобы не грохнуться под ноги какому-нибудь несчастному прохожему – опускаюсь на первую попавшуюся лавочку и сижу на ней без движения, наверное, минут десять.

Постепенно самообладание ко мне возвращается.

Всего восемьсот подписчиков, говорите? Будет больше! Надо просто немного сменить концепцию канала. А с харизмой у меня все нормально, просто я не из тех, кто любит выставаться. Я люблю делать так, чтобы блистали другие.

Дыхание мое выравнивается, меня вдруг до смешного переполняет детская решимость. Я обязательно буду зарабатывать на видео, а не в офисе. Обязательно!

Поднявшись с лавочки, я на всякий случай отряхиваю брюки и нахожу в «ДваГИС» ближайший магазин купальников. Перемены начинаются сегодня!

Через пятнадцать минут я уже стою посреди узкого торгового зала, чьи стены увешаны бельем, ошупываю тонкую ткань серебристых трусиков.

Заметив мой искренний интерес, ко мне подскакивает продавщица:

– Могу я вам что-нибудь подсказать?

– Можете! – подтверждаю я, доброжелательно улыбаясь. – Покажите мне, пожалуйста, самый развратный купальник из тех, что у вас есть.

– Э... – на ее лице проступает растерянность.

– Да-да, – киваю я. – Тащите сюда что-нибудь вызывающее.

Продавщица несколько секунд косится на меня с подозрением, но потом уходит в подсобку. Дождаясь ее возвращения, я оглядываю себя в зеркале. Выгляжу как обычно. И уж точно не хуже других. Волосы собраны в пучок, стрелки на брюках отглажены идеально – в конкурсе «А ну-ка, девушки» жюри без раздумий выдало бы мне золотую медаль.

– Вот такая модель есть, – продавщица возвращается в зал, сжимая в руках какие-то ленточки. – Примерите? Размер вроде ваш.

На ее лице – натянутая улыбка и недоумение. Кажется, она не верит, что кто-то в добром здравии решится на покупку ее «макраме».

– Давайте сюда, – я беру «ленточки» и топаю в примерочную. Мне слегка тревожно, но дух противоречия требует умыть всех, кто заклеил меня «ботаничкой».

Купальник сразу садится как влитой. Я сосредоточенно изучаю его в отражении и невольно ежусь, представляю, как бабули на пляже при виде меня будут креститься, а мужчины каменеть (целиком и отдельными частями).

– Ну как? Не нужен размер побольше? – продавщица не справляется с любопытством и заглядывает за шторку.

– Вроде в пору, – констатирую я и несколько раз кручусь туда-сюда, надеясь потихоньку привыкнуть к уровню раздетости.

Продавщица виновато качает головой:

– Вызывающе, конечно. Зато загар, наверное, хорошо ляжет!

Меня охватывает еще большая оторопь. Ох! Кого я обманываю? Такие купальники не для меня! Из зеркала на меня лупает глазами какое-то недоразумение. Оно все красное, в зеленое пятнышко и готово провалиться сквозь землю. Вот же смеху-то будет, когда оно очутится на пляже!

– Может, вам что-то другое показать? – продавщица считывает мою реакцию и нервно хватается с ближайшей вешалки нечто из серии «бабушка-стайл».

– Не надо, – говорю я, чувствуя легкий холодок под ложечкой. – Я возьму это.

Глава 1. Никита

Год спустя

Гудки. Долгие. Марина не любит отвечать сразу, хотя все время таскает телефон с собой. Даже в туалет его берет. Кажется, она вычитала в каком-то журнале, что быстрый ответ на звонок делает ее в глазах мужчин легкодоступной дешевкой. Бред, конечно!

Я выхожу на балкон и разглядываю прохожих, чтобы убить время. Ну давай, Мариш, снимай трубку! Хватит набивать себе цену. В конце концов, к чему эти манипуляции? К чему так бестолково тратить мое драгоценное время? Его и так в обрез. Вот прямо сейчас мне надо монтировать заставку для новых выпусков. Я не могу доверить такое важное дело кому-то из парней. У Тохи руки не тем концом вставлены, а Валера вообще у нас как с луны свалился, он мне там цветочков каких-нибудь наляпает или сердечек с пирожными. И плевать ему, что мой канал о путешествиях.

Гудки в динамике обрываются. Механический голос сообщает, что абонент не может ответить на звонок. Я чертыхаюсь и набираю Марине снова. Эта кукла явно не в колодце сидит. Хотя, может, она на маникюре...

– Я тебя слушаю, Петров! – наконец соизволит отозваться ее высочество.

– Доброе утро, солнышко, – я с большим трудом загоняю собственное раздражение поглубже. – Как у тебя дела? Как настроение?

– Нормально.

– Встретиться не хочешь?

– Зачем? Ты таки созрел до того, чтобы сделать мне предложение? – голос Марины сочится иронией и чем-то еще. Надеждой?

– Мариш, ну не начинай, – я прохаживаюсь по балкону взад-вперед. – Мы же уже обсуждали этот вопрос. Я вовсе не против на тебе жениться. Но не сейчас же! Сейчас мне некогда всем этим заниматься. Вот годика через три-четыре...

– Петров, ты издеваешься? – Марина мгновенно закипает. – Какие три-четыре годика, а? Я не могу больше ждать, когда ты созреешь до семьи и детей. Я в загс седой и сморщенной должна топтать, что ли? Мне через четыре месяца двадцать девять вообще-то.

– Солнышко, ну не я же виноват в том, что ты такая старая, – глупая шутка вылетает у меня раньше, чем я успеваю оценить ее уместность. Марина старше меня на два года и терпеть не может, когда я об этом напоминаю. Ну что же... Слово не воробей.

Марина с шумом выдыхает, а потом цедит:

– Какая же ты сволочь, Петров! Сволочь самая последняя.

– А вот это уже оскорбление! – почти искренне возмущаюсь я. – Я точно не последняя сволочь. Я, минимум, в первой двадцатке.

Она некоторое время сопит, а потом начинает всхлипывать. Ненатурально, кстати.

– Марин, ну кончай дурить, – я устало переключая айфон в другую руку. – Возвращайся! Тебе же плохо без меня, я знаю.

– Да, плохо, – признает она, не переставая демонстративно хлопать носом. – Потому что, несмотря на все твои закидоны, я тебя люблю.

Марина делает паузу, ожидая, что я отзовусь на ее признание. Фу, блин! Как же меня достали эти сантименты. Я делаю пару глубоких вдохов, а потом кое-как выдавливаю из себя:

– Я тебя тоже, ага.

На радостях Марина даже что-то роняет (ну не балую я ее признаниями, не балую), а потом зачем-то снова включает училку:

– Любовь, Петров, должна быть не только на словах. Ее доказывают поступками.

– И чего ты от меня ждешь? Завтрак в постель я тебе регулярно приношу, когда дома бываю. Да и о всяких годовщинах обычно не забываю.

– Мне бы хотелось более серьезных поступков с твоей стороны.

– Серьезных поступков? – я невольно заглядываюсь на блондиночку с глубоким декольте, в этот момент проплывающую под моим балконом. – Серьезные поступки – это я могу. Хочешь, куплю тебе какой-нибудь бриллиантик? Или, может, обновим тебе гардероб?

Блондинка замечает мой интерес и улыбается. Я, конечно, тоже улыбаюсь ей в ответ (мама учила меня быть приветливым с людьми), а потом еще раз обвожу взглядом блондинкины буфера. Как же все-таки круто жить на втором этаже! Такие виды открываются!

– Женись на мне, Петров, – твердо говорит Мариша, невольно отвлекая от прекрасного. – Мне не нужны бриллианты. Обойдемся малой кровью: я хочу платье-торт и печать в паспорте.

– И детишек, да? – с ехидством уточняю я.

– Конечно! Как любая нормальная девушка, я хочу детей. Мальчика и девочку.

Ну звездец вообще! Я беззвучно чертыхаюсь, а потом пытаюсь вернуть разговор в нормальное русло:

– Мариша, ты там перегрелась, что ли? На солнышке? Какие дети? Ты вообще понимаешь, о чем говоришь? Мне сейчас не до памперсов. Я раскручиваю канал, я делаю себе имя.

– Ты мне то же самое говорил год назад, – напоминает Марина. – Когда у тебя на канале было триста тысяч подписчиков. Сейчас их у тебя почти два миллиона. Сколько мне еще ждать?

– Два миллиона – это вообще ни о чем для «Ютуба». Слезы, – хмыкаю я. – Мне надо минимум десять. Да и нынешних подписчиков надо регулярно подкармливать интересным контентом. Стоит дать слабину, взять паузу – все, половина аудитории отвалится. Мариш, мне сейчас правда не до детей.

– Значит, нам с тобой не по пути, – с досадой заявляет Марина. – Я уже все решила. Врачи советуют рожать до тридцати, и я рожу. И плевать от кого: от тебя или другого смазливового мужика.

– Ну круто вообще! – саркастично восхищаюсь я. – Ты – молодец, Марина, целеустремленная.

– И это все, что ты можешь мне сказать? – ее голос дрожит от обиды.

– А ты бы хотела, чтобы я тебе еще и удачи пожелал в поисках нового хахаля? Хорошо. Мне не жалко! Удачно тебе залететь, Мариночка. Из тебя получится отличная «яжмать»

– Идиот! – верещит она. – Идиотище! Если бы ты только знал, как я тебя ненавижу!

Мне почему-то становится смешно. Желание помириться с Мариной почти мгновенно испаряется. Фиг с ней! Еще лучше найду. Таковую, что не будет компостировать мозг по пустякам.

– Два года с тобой убила, – шипит Марина, – два долбанных года.

– Ах, бедняжка! И правда, столько мучиться, а все зря, – зачем-то глумлюсь я. —По закону жанра, тебе не мешало бы заявить сейчас, что и в постели со мной ты только симулировала удовольствие.

– А вот не буду, – говорит Марина с каким-то отчаянием, – в постели ты хорош, но это, Петров, совсем не главное.

– А что главное?

Она не отвечает. Я некоторое время еще надеюсь на ответ, а потом окликаю:

– Ау, Мариш? Ты еще со мной? Или уже навешиваешь мосты с новым мужиком?

Моя теперь уже окончательно бывшая девушка опять с шумом выдыхает, а потом выдает:

– Надеюсь, ты не будешь счастлив, Петров. Никогда. Ты этого не заслуживаешь.

А потом она кладет трубку.

– И тебе не хворать, – говорю я гудкам и некоторое время в задумчивости разглядываю экран телефона.

Неожиданный получился разговор. Неожиданный и странный. И я реально не могу вкурить: где прежняя Марина – покладистая и добрая? Может, ее, мать вашу, пришельцы подменили? Или что это вообще за фигня?

Когда неделю назад Марина устроила истерику с требованием на ней жениться, я решил, что у нее просто ПМС. Что ее отпустит. Но ни черта! Не отпустило. Заклинило деваху не по-детски. «Женись на мне, ага. Сделай мне ребенка». На тренинг, что ли, какой-то сходила? Сейчас ведь популярны всякие дурацкие тренинги, на которых якобы учат прогибать парней. Вот и эта, наверное, повелась.

Дура, блин! Я ей не каблук какой-нибудь. И не волшебник в голубом вертолете, чтобы любую хотелку сделать явью.

Несколько секунд я задумчиво кусаю щеку и вспоминаю, как хороша Марина в постели. Она у меня, конечно, еще та искусница. И постоянно повышает свой уровень. Любит все эти статейки в духе «Пятнадцать способов сделать мужику приятно», любит всякие гаджеты.

В окне со стороны комнаты появляется физиономия Антохи. Он машет мне рукой и делает страшные глаза.

– Да иду я, иду! – огрызаюсь я и отворачиваюсь.

Вот же гребаная ситуация! Отдавать кому-то куколку, которую так славню подучил под себя, совершенно не хочется. Но и тряпкой я тоже не записывался. Если я сказал, что до тридцати не женюсь, значит, не женюсь.

Я киваю своим мыслям, а потом решительно стираю из телефона Маринин номер. Надо возвращаться к парням. Надо работать.

Зайдя в комнату, сразу сажусь к ноуту.

– Погоди зарываться, – деловито орет Антон, – пошли сначала чего-нибудь пожрем.

– Не хочу.

– Пошли, деточка! – настаивает он. – Надо обсудить кое-что.

Валера тоже встает из-за стола с довольной рожей. Этот всегда не прочь похавать. Щеки уже из-за ушей торчат, пузико наметилось, а он все за ложку чуть что хватается. Я и Тоха зовем его между собой Пупсом. Он прям похож. И если продолжит жрать как не в себя, через пару месяцев сходства будет еще больше.

– Валерик, тебя не звали, – Тоха грубо пихает Пупса обратно на стул. – Взрослые дяди сейчас серьезные разговоры разговаривать будут. Уши им греть не надо. – Он достает откуда-то конфетку и сует Валере: – На вот тебе карамельку.

Валера забавно хмурится, шевелит пушистыми нежными бровками. Наверное, опять обидится. Да и фиг с ним. Чего обижаться? Мы же так, по-доброму, прикалываемся.

Я и Антоха идем на кухню. Там, конечно, свинарник, потому что, съезжая, Марина устроила погром, а прибираться мне некогда. У меня сроки горят. Я только кое-какие осколки смел в кучу и выбросил заплесневелый холодец, который кто-то оставил на столе.

Антон находит в холодильнике колбасу и сыр, нарезает их огромными шматками. Я от скуки завариваю себе чай из пакетика. Какую-то цветочную муть: Маринка только такую и покупала. Она вообще большая любительница всяких веников.

– Ты своей сейчас звонил? – спрашивает Антон, мастрякая слабое подобие бутерброда: по краям колбаса, внутри – сыр.

– Не твое собачье дело.

– Помирились?

– Нет.

– Так ты у нас по-прежнему брошенка, Петров? – Антоха откладывает бутер и, вытерев руки об какую-то валяющуюся на столе тряпку, похлопывает себя по груди. – Иди к мамочке! Взрыдни на ее широкой груди.

– Спасибо, как-нибудь обойдусь, – невольно ухмыляюсь я. – Буду копить в себе.

– Ну это тоже дело, – Антоха возвращается к бутеру, запихивает чуть ли не половину его в рот. – Только физию попроще сделай, а то как будто бабушку похоронил.

– Ты же знаешь, я эти девчачьи истерики на дух не переношу.

– А кто их любит?

Я делаю глоток цветочной мути, а потом меня почему-то прорывает:

– Не, я не понимаю: нормально все было, и тут бац – подавай ей печать в паспорте. Вот чего у девчонок в башке, что их так клинит на свадьбах? Это уже третья, что пытается меня в загс отпереть.

Антоха дожевывает остатки бутера и смотрит на меня снисходительно:

– Знаешь, в чем твоя проблема, Петров? В том, что тебе нравятся домашние фифочки, а у них у всех идея-фикс – замуж сходить. Ты выбирай кого попроще. Ну и жить их с собой не зови. Просто встречайся. А еще меняй телок почаще, чтобы не привязывались.

Я, конечно, кривлюсь, а Антоха начинает ржать:

– Ай, забыл-забыл, у тебя же дед – венеролог, ты же у нас не приемлешь беспорядочных половых связей.

– Не венеролог, а сексолог, – на автомате поправляю я. – Это вообще разное. Но потаскушки меня и правда не интересуют. Я себя не на помойке нашел, чтобы совать в место, в котором полгорода отметилось. И еще я ревнивый. Мне надо знать, что девочка кроме меня никого к себе не подпускает.

– Ну тогда не жалуйся, мурзик, что бабы к тебе со всей душой и хотят размножаться.

– Спасибо за совет, мамуля! – говорю я и тоже делаю себе бутер из колбасы и сыра. – Ты чего меня на кухню притащил-то? Чтобы мою тонкую душевную организацию обсудить, или еще дела есть?

– Меня все в комплексе интересует, – Антоха задумчиво поглаживает свою густую рыжеватую бороду. – Мне тут такая мысль крутая пришла, насчет твоей личной жизни, я прямо ночь не спал – усердно пытался не сдохнуть от счастья.

– Ты меня пугаешь, мама!

– Не дрейфь, деточка! Думаю, тебе тоже понравится. – Он отправляет в рот еще один кусок колбасы, а потом приосанивается. – Слушай, короче, сюда. Мой батя обожает Карнеги цитировать. Ну ты в курсе! И вот любимая его цитата такая: «Если судьба преподносит тебе лимоны – сделай из них лимонад».

– Хорошо хоть ты не с бабули начал, – задумчиво констатирую я. – Это обнадеживает. Еще какие-то два часа, и мы таки подойдем к сути дела.

Антоха не обращает внимания на мою подколку:

– То, что Маринка тебя бросила, – это настоящий подарок судьбы!

– Серьезно? – Я оглядываю разбомбленную кухню. – Нет, отчасти ты прав: «домашнюю технику» время от времени надо обновлять. Вот только, чтобы заполучить себе на хозяйство новую куклу, мне надо теперь угрохать кучу времени. А его нет.

– Подожди, Никитос. Не надо торопиться с поисками очередной домашней клуши. Найми уже себе домработницу, а статус холостяка используй на благо канала.

– Это как?

– Объяви открыто, что ты теперь в активном поиске. Подкатывай в своих выпусках к цыпочкам, флиртуй. Можешь даже «Тиндер» на камеру юзать. Гарантирую, подписчики повалят только так. Они такое обожают.

– То есть ты предлагаешь мне корчить из себя бабника? – удивленно уточняю я. – Что-то мне эта твоя идея не алё. Во-первых, с артистизмом у меня плохо. Во-вторых, мне просто страшно. Никогда не понимал пацанов, которые девочек своих выставляют на всеобщее обозрение.

– Не, блин, а чё такого? – раздражается Тоха. – Это же не кто-то из твоих постоянных, это случайные девки. Ты их больше, может, вообще не увидишь.

– Увидеть не увижу, но жизнь им подпорчу. Ты же знаешь, какие у нас люди. На любую наивную дуреху, с которой я стану флиртовать на камеру, будут показывать пальцем и говорить: смотри, а вот ее на днях отматросил Никита Петров.

– Ох ты ж моралист чертов! – почти искренне восхищается Тоха. – Да баба эта, может, еще гордая ходить будет. Внукам о тебе рассказывать.

Я допиваю цветочную муть и отставляю чашку:

– Нет, Тох, выкинь этот бред из башки. Я не буду корчить из себя озабоченного козла.

– Хорошо, – вдруг легко «сдает назад» Антон. – Тогда переходим к плану «Б». Специально его для тебя заготовил: как знал, что ты слюни распустишь.

Мне жутко не нравится его тон. Тоха – мой двоюродный брат, мы вместе росли, так что между нами довольно фамильярные отношения, но сейчас, мне кажется, он уже перегибает палку. Я подаюсь вперед и цежу:

– Умерь-ка энтузиазм, мамуля. Я тебя нанял в качестве пиарщика. Не надо мне тут метить в продюсеры.

Он ухмыляется:

– Может, сначала выслушаешь мое предложение, а потом будешь фыркать, деточка? То, что я придумал, поможет тебе набрать целую кучу подписчиков.

– Тох, не обижайся, но у меня уже уши опухли. От твоего креатива.

– Да ладно! Вообще-то, я частенько предлагаю тебе дельные вещи, – Тоха приосанивается, снова поглаживает бороду. – Вот Валерика тебе нашел. Ты, помнится, год назад плевался от его кандидатуры, а сейчас готов лобзать его в макушку.

– Не преувеличивай.

Антоха хмыкает:

– Чё, не готов? Да ладно? Пупс – красавчик, он нам такие офигительные видосики пилит, что я бы, на твоём месте, его хорошенько поощрил. Лобзать, конечно, не обязательно. Просто возьми его с собой в очередную поездку. Пусть ребенок мир посмотрит.

– Может, и возьму, – киваю я. В принципе, Антон прав, Валера просто находка. Ему всего девятнадцать, но с «Эдоб Премьером» и другими программами для обработки видео он на «ты». До его появления в моей жизни я временами почти отключался от усталости, а сейчас приличная часть монтажа на плечах Пупса, и у меня появилась уйма свободного времени.

Антон смотрит на меня выжидающе.

– Ладно, валяй, – поддаюсь любопытству я. – Выкладывай свой план «Б». Но, учти, если от тебя сейчас прилетит очередной тупняк – лишу премии.

Он самодовольно улыбается, закидывает руки за голову.

– Не лишишь. Потому что у меня для тебя просто убойное предложение. Вот оно: если тебе страшно флиртовать со случайными бабами, давай найдем для тебя какую-нибудь распутную блогершу. Ей это тоже будет выгодно. Для рейтинга. А честь ее не пострадает, потому что страдать там нечему.

Я некоторое время размышляю над его словами, а потом киваю:

– Мысль интересная. А после поцелуев можно отключать камеру и полоскать рот мирамином, да?

Тоха вздрагивает, косится на меня с подозрением.

– Слышь, Никитос, ты чего такой повернутый? Ты там руки по двадцать раз не намыиваешь, а? У меня, кстати, подруга одна в психдиспансере работает, может, вас свести?

– А она симпатичная?

– Фух, ты все-таки не потерян для общества. Раз не спрашиваешь, в первую очередь, о ее здоровье.

– А зачем спрашивать? Она же медик, она регулярно сдает все анализы.

Некоторое время мы бестолково ржем, а потом Антон становится серьезным:

– Ну так я напишу паре блогерш, закину им наше деловое предложение?

– У тебя уже кто-то есть на примете?

– Уже есть. Говорю же: всю ночь не спал, разрабатывал твою новую пиар-стратегию. И, конечно, скреб по сусекам.

Я старательно хмурюсь:

– Ты там это... осторожней с сусеками, они тебе еще понадобятся. Для передачи твоего ценного генетического материала человечеству.

В кухню заглядывает Пупс:

– Ребят, а можно мне все-таки тоже чаю?

– Можно, – говорю я, помахивая куском колбасы. Ко мне постепенно возвращается хорошее настроение.

Пупс с щенячьей радостью на лице бросается к чайнику. У него, похоже, с детства навязчивое желание – не отрываться от коллектива. А может, ему просто нравится тереться среди мужиков. Дома-то у него дамский клуб: мама, бабушка и сестра. Папаша вроде был когда-то, но бесславно свалил с концами в новую семью.

Антоха придирчиво оглядывает Пупса с головы до ног. Тот у нас весьма своеобразно одевается. Постоянно таскает какие-то советские брюки, а еще настойчиво заправляет в них издававшие виды футболки. Выглядит подобное ужасно, но я помалкиваю на этот счет. Главное, чтобы работал хорошо, а так – пусть хоть в шторе по улицам рассекает.

Антоха же не такой терпимый, как я. Он у нас старательно растит из Пупса мужика. А мужик, по мнению Антохи, начинается с нормального тряпья. В этот раз он, конечно, тоже сразу же врубает свою шарманку:

– Валера, ты эти свои штанишки случайно не у бабули на антресолях нашел?

Пупс от неожиданности слегка цепенеет и всюду хлопает своими длинными светлыми ресницами.

– Наверное, это дедовские? – добавляет Антоха, довольно грубо выдергивая футболку Пупса из брюк.

– Нет, – тихо выдавливает из себя Валера. – Мне их мама купила.

– Чё? – Антоха демонстративно роняет челюсть. – Мама купила? Капец! Валера, ты уже здоровый мужик, на полголовы выше меня, какого фига тебе мама одежду покупает?

Пупс смущенно молчит. Одна его рука нервно дергается. Ему хочется запихать футболку обратно в штаны, но интуиция подсказывает, что лучше этого не делать – можно схлопотать подзатыльник от Антохи.

– Валера, купи себе джинсы со следующей зарплаты, – подсказываю я (во мне тоже просыпается дух Макаренко). – И кроссовки какие-нибудь приличные.

– Я не могу, – Валера вздыхает и чуть ли не шаркает в подбострастии ножкой.

– Почему?

– Я коплю.

– Да на что ты, пугало огородное, можешь копить? – удивляется Тоха. – Неужели на тачку?

– Эй, полегче, – одергиваю я. – Давай без оскорблений.

Тоха зыркает на меня недовольно, но исправляется:

– Пardon, я хотел сказать, не пугало, а братан. У меня, видимо, косноязычие уже от вас двоих. Вы меня своей правильностью довели уже до ручки.

– Не, это не косноязычие, – меланхолично возражаю я. – Это алкоголизм. Первые симптомы.

Антон ухмыляется:

– Спорить не стану. Алкоголизм у меня тоже в наличии. А как мне, спрашивается, не бухать, если у меня работа нервная?

– Нормальная у тебя работа, – рыкаю я. – Не хуже, чем у других.

– Молчу-молчу, начальник, – бурчит Тоха, а потом поворачивается к Пупсу, – Вернемся, пожалуй, к тебе.

Он глубокомысленно подымает вверх указательный палец и изрекает:

– Братан! Брателла! Прислушайся к мудрости старика. Нельзя забивать на себя, даже если копишь на тазик, в котором будешь любить девочек.

Щеки Валеры стремительно розовеют. Он у нас еще та нежная фиалка. Один раз даже кефиром подавился, когда Тоха пошлый анекдот рассказывал.

Я проникаюсь торжественностью момента и тоже качаю головой:

– Да, Валера. Послушай эту рухлядь, пока она еще способна складывать слова в предложения. Тачка не прибавит тебе популярности у девушек, если будешь носить дедовские штаны.

– Я не на машину коплю, – Валера еще больше краснеет и смущенно отводит взгляд. – Я коплю на первый взнос по ипотеке.

– Серьезно? – Мы с Тохой удивленно переглядываемся.

– Да, я уже проанализировал цены на новостройки Подмосковья и присмотрел себе хороший вариант, – с радостью делится Пупс. – Однушку-бабочку. С окнами на разные стороны.

– Круто! – Я одобрительно улыбаюсь. – Вот умеешь ты расставлять приоритеты. Девки подождут, квартира – это святое.

– Ну не скажи, – бурчит Тоха. – Воздержание вообще-то чревато проблемами со здоровьем.

На меня вдруг нападает подозрительное человеколюбие. Я ненадолго отлучаюсь в спальню, а потом возвращаюсь на кухню с несколькими купюрами, которые удалось насобирать по углам (с наличкой у меня плохо, я привык всюду платить картой).

– Держи, – я вручаю деньги Валере и многозначительно киваю. – Ипотека – это хорошо, но все-таки в ближайшие дни наведайся в ТЦ и найди себе приличные джинсы.

– Да зачем? Не надо, – блеет Пупс. – Мне и так нормально.

– Валера, начальник дал задание – выполняй, а не пререкайся, – одергиваю я. – Я собираюсь тебя скоро с собой в поездку взять. И мне как-то не улыбается, чтобы от нас из-за тебя люди шарахались.

– Вы хотите взять меня с собой? – Валера чуть не подпрыгивает от радости. – А куда?

Я поворачиваюсь к Тохе:

– Куда там нас сегодня спонсоры зазывали?

– В круиз по Средиземному морю.

– Отлично! – киваю я. – Значит, ты, Валера, поедешь с нами в круиз. До какого числа у тебя в универе каникулы?

– До первого сентября.

– Нормально, – констатирую я. – Мы уже успеем вернуться.

– Может, нам и блогершу с собой в круиз взять? – задумчиво предлагает Антон. – По-моему, лайнер – отличное место для осуществления нашего проекта. Для подписчиков, конечно, обставим все как случайную встречу. Будешь флиртовать с размахом – на фоне европейских городов.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Пиши всем, кого присмотрел, договаривайся.

Допив чай, мы расходимся – каждый к своему ноутбуку. Пупс монтирует выпуск, я клепаю заставку, Антон старательно налаживает «связи с общественностью». Он так ожесточенно стучит по клавише, будто строчит злобный пасквиль, а не переписывается с девчонками. И лицо у него крайне сосредоточенное.

Если честно, беря его к себе по просьбе тетки, я не ожидал, что он так серьезно отнесется к работе на меня. Думал, буду изредка давать ему камеру, а в остальное время он будет слоняться из угла в угол и играть в танчики. Но нет. Я его недооценил. Антоха выкладывается на сто процентов. И кажется, ему уже тесно в моем проекте. Надо будет как-то серьезно побазарить с ним на этот счет: пора ему уже мутить что-то свое. Мне без него, конечно, будет печально, но ничего – подыщу еще помощника.

Антоха замечает мое внимание и оживляется:

– Слушай, нам прет нереально. Написал трем цыпочкам, и все три готовы сотрудничать. У одной, правда, недавно парень появился, но она согласна с ним порвать на время вашего с ней общения.

– Мать моя женщина! – Я шутливо хватаюсь за голову. – А можно без драм? Ненавижу любовные треугольники!

– Тогда выбирай из двух оставшихся.

Я встаю из-за стола и пересаживаюсь к Антохе на диван.

– Показывай фоточки. Сейчас выберу.

Он щелкает на одну из открытых у него в браузере вкладок. На экране появляется страничка «ВК» с фоткой какой-то силиконовой куклы.

– Есть вот такая мадам, – рекламирует Тоха. – Двадцать шесть лет. Триста тысяч подписчиков в «Телеге», двести пятьдесят тысяч – на «Ютуб». Фитоняшка. Пятый размер груди.

– Ага, и губищи – вареники, – кривлюсь я. – Типичная курица. Терпеть таких не могу.

Тоха моментально разъяряется:

– Никитос, я тебе не жениться на ней предлагаю. Тебе всего-то надо – пару раз потискать эту девку на камеру. Глаза закроешь и ткнешься ей куда-нибудь в моську. Все!

– Не, эта совсем тошнотная, – бурчу я. – Давай вторую. Может, та не такая ужасная.

Он старательно испепеляет меня взглядом, но все-таки открывает другую вкладку.

Так-так, еще одна страница в «ВК».

Тоха быстро щелкает на фото профиля.

– Ого! – искренне удивляюсь я. – Ничего такая!

Со снимка на меня игриво смотрит девушка с золотистыми волосами и широко распахнутыми васильковыми глазами. На ней что-то типа прозрачной комбинации, через которую откровенно просвечивают трусики. Грудь блондинка кокетливо прикрывает руками, но отлично видно, что там отнюдь не силиконовые шары. А еще мне нравится, что у девушки аккуратные, в меру пухлые губки. Они чуть приоткрыты. Призывно и сексуально.

– Клубничка Вероничка, – представляет виртуальную незнакомку Тоха. – Сто десять тысяч подписчиков на «Ютуб». Немного, конечно, но просмотры у нее шикарные. На предпоследнем видео – почти миллион уже.

– И что там за видео?

– Про отдых в Анапе, – Тоха хмыкает. – Сейчас включу.

Через несколько секунд он находит и запускает нужный выпуск. На экране появляется та самая блондинка. Она красиво танцует посреди пустынного пляжа. На ней короткий белый сарафан, ветер то и дело задирает его подол, обнажая красивую упругую попку в розовых трусиках.

– Понятно, откуда столько просмотров, – добродушно бурчу я. – Весь фан-клуб Мадам Кулаковой, похоже, отметил.

– Ага, – соглашается Тоха, но видео отключать не торопится.

Блондинка поворачивается к камере спиной и медленно, под музыку стягивает свой сарафанчик через голову. Неожиданно! Я невольно скользя взглядом по красивой линии ее бедер, с удовольствием разглядываю гибкую спину.

Девушка тем временем швыряет сарафан на песок и продолжает танцевать. Несколько раз она слегка оборачивается и игриво улыбается камере. Интересно, кто ее снимает? Кому предназначены эти жаркие улыбки?

Мне становится тесно в джинсах. Все же Маринка та еще гримза: бросила меня сразу после того, как я вернулся из недельной поездки, и даже не дала напоследок. Ни капли человеческого!

Блондинка неожиданно расстегивает лифчик от купальника и осторожно спускает с плеч бретельки. Я невольно сглатываю. Черт! Она собирается купаться голышом?

Невидимый оператор вдруг отвлекается от блондинки и показывает нам море и песок. Тоже мне эстет, блин! Вот кому, спрашивается, сейчас интересны его природные красоты?

– Ага, – поддакивает Тоха. – Никому.

Так, стоп! Я что, выразил свое мнение о красотах вслух? Наверное, это старость. Еще пару лет – и начну спорить с телевизором.

Оператор наконец возвращается к блондинке. Она еще раз «стреляет» глазками в камеру и улыбается. В ее улыбке обещание и легкий укор.

«Ну давай уже, – мысленно подгоняю я. – Решайся».

Несколько секунд девушка красиво извивается под музыку, а потом снова поворачивается к камере спиной и аккуратно избавляется от лифчика. Пару раз, дразня, она поворачивается к камере полубоком, но всегда тщательно прикрывает грудь рукой. Вот такой облом!

Лифчик тоже летит на песок, а девушка бежит к воде. Ее распущенные волосы переливаются на солнце, и я совершенно не в силах отвести взгляд от монитора. Просто наваждение какое-то! Я знаю все эти блогерские штучки, знаю, что «Ютуб» ни в жизнь не пропустит настоящей обнаженки. Но все равно, часть меня глупо ждет, что краешек груди этой нежной малышки все же промелькнет в кадре. Ничего такого, конечно, не происходит.

Когда блондинка забегает в воду, поднимая сонм брызг, врубается заставка канала. Тоха почти сразу жмет на паузу и говорит:

– Дальше не особо интересно. Про Горгипию там, про Русские ворота.

Я понимающе киваю.

– Ну как тебе? – спрашивает он чуть погодя.

– Интересная девочка. Сколько ей лет?

– Двадцать два.

– Выглядит на девятнадцать, – почему-то ворчу я.

– Можешь перед круизом проверить ее паспорт.

Я сосредоточенно тру лицо. Видео меня зацепило, но мне почему-то не хочется показывать это Тохе.

– У нее там и более пошлые выпуски есть, – зачем-то говорит он. – Рекомендую тебе ее видео про Сочи. Она там весьма зажигательно ест фрукты. Особенно бананы.

– Да я смотрю, ты ее фанат! – не удерживаюсь от подколки я. – Тоже скрашиваешь одинокие вечера?

Антон почему-то оскорбляется, надувает щеки, как жаба:

– Вообще-то, я смотрю почти всех твоих конкурентов. В конце концов, я всегда должен держать руку на пульсе.

– Ох ты черт! Теперь это так называется? – продолжаю хохмить я. – Буду знать.

Он демонстративно закатывает глаза:

– Деточка, хватит петросянить. Не смешно. Давай уже сюда свой вердикт: Вероничка тебя устраивает?

– Вполне. Видно, что талантливая девочка.

– Да ты что? – на лицо Антона возвращается привычная насмешливость. – И где ты талант разглядел? В каком месте?

– Монтаж хорош, – не моргнув глазом, отвечаю я. – Не затянуто, не занудно.

– Думаешь, эта курица сама его делала? По-любому, нашла себе какого-нибудь Валерика, как и мы.

Я пожимаю плечами. Ну да, все может быть.

– Ладно, проехали, – задумчиво говорит Антон. – Нам ее таланты в монтаже без надобности. Мы ее по-другому юзать будем.

– Не спору.

– Значит, утверждаем ее кандидатуру? – на всякий случай еще раз уточняет Тоха.

– Утверждаем.

– Отлично. Прямо сейчас напишу ей о деталях сотрудничества, и начнем переговоры.

У него вид кота, который дорвался до сметаны. И мне это почему-то не нравится. Я одним махом выдергиваю у него из рук ноутбук и деловито хмурюсь.

– Знаешь, я лучше сам с ней пообщаюсь!

Глава 2. Вероника

Я пялюсь в монитор до тех пор, пока в глазах не появляется резь. И что это сейчас было? Розыгрыш, что ли, какой-то? Человек, который всего пять месяцев назад высмеял меня в своем видео, натравил на мой канал толпу хейтеров, предлагает сотрудничать? Бред!

Сначала я хочу написать ему так: *«Иди ты к черту, кусок козлятины!»* Даже набираю это предложение в окошке сообщения. Но потом стираю. Мне вдруг становится любопытно, до какой степени может дойти человеческая наглость. Я делаю глубокий вдох и отвечаю: *«Сотрудничество? В принципе, я не против. Напиши подробнее».*

И он не откладывает дело в долгий ящик – почти сразу строчит: *«Предлагаю вместе отправиться в круиз. На борту мы сделаем вид, что незнакомы. Столкнемся как бы случайно. Пофлиртуем. Несколько раз сходим на свидание. Ну и поцелуемся на камеру – это уже ближе к окончанию поездки. В общем, изобразим мини-роман. Подписчики такое любят, потому наши псевдоотношения хорошо скажутся на моей и твоей популярности. Пы.Сы. Твое участие в круизе оплачу я».*

– Ах, ты ж чертов благодетель! – злобно восклицаю я. – Значит, решил прикупить себе куклу для продвижения? Неужели дела настолько плохи, неужели твои правильные видео больше не цепляют людей?

Я сворачиваю окошко диалога в «ВК» и открываю личную страничку своего собеседника. С фотографии на меня смотрит улыбающаяся физиономия. Напротив имени – галочка – страница верифицирована. Мне однозначно пишет Никита Петров, но вот с какой целью?

Немного подумав, решаю найти канал Петрова на «Ютуб». Раньше я была его подписчицей, но после того, как этот гад поглумился над моими видео, сразу отписалась. Теперь приходится искать его через поиск.

Когда «Ютуб» выдает мне нужную ссылку, мои глаза лезут на лоб. Вот это да! У Петрова уже почти два миллиона подписчиков! Да и просмотров на последних видео прилично. Какого же рожна ему тогда надо?

Я в задумчивости раскачиваюсь на стуле туда-сюда. Нет, это точно пранк! Пранк на потеху любимым подписчикам. Ну что же, подыграем тогда, получим свою порцию удовольствия.

Я снова открываю окошко диалога с Петровым и строчу: *«Твое предложение мне интересно, но такие вещи обсуждаются при личной встрече. Вдруг ты слишком противный, и стремно целуешься? Я бы хотела убедиться, что мне не придется мучиться, отправляясь с тобой на свидание».*

Он отвечает почти сразу: *«Тебе не придется мучиться, не волнуйся. Вообще, я пользуюсь популярностью у девушек, и очень многие были бы безумно рады оказаться на твоём месте».*

Боже! Сколько же в нем гонора!

«Эти многие, возможно, ведутся на твою популярность и деньги, – пишу я. – Меня ни то ни другое не интересует. Мне важно убедиться, что ты не преподнесешь мне каких-то сюрпризов в виде липких ладошек и гадкого запаха изо рта. Я себя люблю и не стану целоваться с тем, от кого тошнит».

На этот раз он отвечает чуть погодя: *«Хорошо. Давай встретимся, чтобы ты убедилась в моем природном обаянии. Ты где сейчас?»*

«В Краснодаре», – отвечаю я и замираю. Мне ужасно любопытно, как далеко он готов зайти в своем розыгрыше. Когда именно сольется?»

«А я – в Москве», – пишет Петров и добавляет к сообщению грустный смайлик.

Хочется написать: *«И что?»* Но я просто жду. Проходит минут пять, и Петров все-таки присылает новое сообщение: *«В Москве встретиться удобней всего. Давай я оплачу тебе билеты на самолет – ты прилетишь ко мне на денек, и мы спокойно все обсудим?»*

«Нет, дорогой, – ехидно ухмыляясь, набиваю я. – Лучшие вы к нам».

И тут он меня удивляет. Почти сразу пишет: *«Хорошо. Я прилечу в Краснодар. Завтра сможешь со мной увидеться?»*

Вот что значит тревел-блогер! Легко на подъем! У меня почему-то вырывается судорожный вздох. А может, это не шутка? Может, Петров и правда хочет сотрудничать?

Я снова начинаю раскачиваться на стуле, но потом спохватываюсь. Ой-ой! От моей привычки на новом линолеуме уже приличные вмятины. Если мама их заметит – убьет.

«Буду ждать тебя завтра в полдень в кофейне «Кофе и ничего лишнего» – пишу я, и мне почему-то становится слегка не по себе.

«Отлично! – Петров присылает мне очередной смайлик. – Только скинь мне, пожалуйста, точный адрес этой кофейни!»

«Воспользуйся «Гуглом»!» – огрызаюсь я и выхожу из «ВК».

Хм! Что все-таки происходит? Не понимаю.

В груди странно екает, а потом седьмое чувство подсказывает мне, что Петров не блефует. Он и правда собрался лететь в Краснодар. Но вот с какой целью?

Мне всегда легче думается, когда можно где-то записать отдельные мысли. Потому я создаю документ в «Ворде» и начинаю заносить туда все, что мне известно о Петрове.

Брюнет. Глаза голубые. Возраст – двадцать семь лет. Тревел-влогер. Канал на «Ютуб» ведет не так давно, кажется, года два – два с половиной. Еще Петров является совладельцем туристического агентства «Приключение 2.0». В каждом втором своем видео его пиарит.

Несколько лет Петров работал ведущим телепередачи «Аверс и Реверс». Я, идиотка, смотрела каждый ее выпуск. Точней, мы вместе с Женькой эту передачу смотрели.

Надо признать, что Петров все же очень обаятельный, хоть и гад. Мне всегда нравилось его чувство юмора. Когда он вдруг ушел из передачи и запустил канал на «Ютуб», я регулярно ставила ему лайки. И даже участвовала в розыгрышах на его канале. Ни разу, правда, ничего не выиграла, но это не важно. Петров был моим кумиром, эталоном, на который мне хотелось быть похожей. Он всегда делал очень крутые видео: сочные, интересные, динамичные. Наблюдая за ним, я многому научилась, а потом...

При воспоминании о его гадком поступке, у меня портится настроение. Нет, этот Петров все же редкостная скотина! Если бы он предложил мне встретиться месяцев шесть назад, я бы скакала от счастья! А теперь внутри только злость и какое-то разочарование. Получается, он даже хуже, чем я думала. Поглумился – и забыл.

А я вот помню. Помню тот день, как вчера.

В начале года Петров сделал небольшой видео-анонс на тему *«Чего ждать от моего канала в новом году?»* Я смотрела его с замиранием сердца. Было, как обычно, очень смешно и классно. До тех пор, пока Петров вдруг не сказал:

– А сейчас поговорим о том, чего точно не будет на моем канале! У меня никогда не будет треша, тупых пранков и клубнички.

И после этих его слов пошла нарезка из моих влогов. Всего несколько кадров, но смонтированных так, чтобы затошнило. Например, эпизод с мелькнувшей в кадре попой в купальнике прокрутили туда-сюда, а случайное колыхание груди повторили несколько раз. Получилась та еще пошлятина.

– Говорят, подобное продвигает канал, – задумчиво сказал Петров, когда нарезка закончилась. – Но я как-нибудь обойдусь без дешевого хайпа.

И хорошо бы он на этом остановился, но нет! Когда его подписчики узнали меня и начали обзывать в комментариях безмозглой эскортницей, Петров не пожалел сил и лайкнул каждое

обидное высказывание. Спустя час его раззадоренные фанаты пришли на мой канал и продолжили оставлять свои скабрзные комментарии уже под моими видео. Клянусь, я замучилась банить всяких неадекватов! И нарыдалась тогда тоже от души: шесть пачек носовых платков извела.

Все же Петров – это вам не какая-нибудь бабуля на лавочке у подъезда. Это сила куда разрушительней.

На следующий день после выхода его видео-анонса у меня появилось несколько stalkеров, которые начали писать гадости мне в личку. Я отправляла их в черный список, но они создавали себе новые страницы и продолжали строчить. Предлагали переспать, слали фотки своих причиндалов. Один особо отмороженный даже взломал аккаунты моих подруг и прислал мне письма от них. Он подробно описал все свои эротические фантазии и заверил, что мы исполним их вместе, как только он вычислит мой адрес.

Мне, наверное, недели полторы было страшно выходить из дома. Я купила себе перцовый баллончик и посмотрела штук пятьдесят видео о самообороне. Это ни фига не помогло. Все равно при необходимости куда-то отправиться, мне становилось не по себе. Сердце стучало как бешеное, а по спине струился липкий пот.

Но потом все прошло. Просто раз – и все. Я проснулась утром и поняла, что устала бояться. А еще вместо баллончика стала носить в сумке мясной топорик. Первое время было неудобно, а потом ничего, привыкла. Постепенно жизнь вернулась в свою колею. Я продолжила путешествовать, снимать. Я бы и не вспоминала больше о Петрове, если бы он вдруг не стал напрашиваться в друзья и предлагать сотрудничество. Но, видимо, ему понравилось меня доставать.

Говорят, он из богатенькой семьи, попал в телевизор по протекции. Такие обычно думают, что им все позволено, что у них особые права. А у Петрова еще и от популярности, наверное, выросла корона с дом.

У меня прямо кулаки сжимаются, когда я думаю об этом наглom товарище. Нет, неужели он правда верит, что я забуду о пережитом унижении и буду целовать ему ручки за проявленную милость в виде оплаты круиза? Вот же мерзкий тип! Хотя, может, он думает, что я не в курсе его выпадов. Он ведь не знает, что я была его фанаткой и смотрела каждое видео.

Следующие пятнадцать минут я пытаюсь придумать какой-нибудь план мести. Может, выложить нашу с ним переписку в «Телегу»? Только надо снабдить ее каким-нибудь обидным комментарием, например: «Как думаете: у Петрова так плохо с девушками, что приходится покупать внимание к себе? Или он просто предпочитает мальчиков, а «купленная» девочка нужна ему для отвода глаз?»

Из груди вырывается тяжелый вздох. Нет, вряд ли такое прокатит. Петров будет все отрицать. Объявит нашу переписку «Фотошопом». Социальный капитал у него больше, так что никакого удовлетворения я не получу, а вот очередную волну хейта словлю обязательно.

Хотя можно все-таки завтра встретиться с Петровым. Плесну ему в лицо кофе и сниму все на камеру. Тут уже ему будет сложнее ответить.

Я рисую себе в красках процесс обливания, и мне почему-то становится ужасно весело. Эх, да к черту всякие видео! Я не такая подлая, как этот придурок. Снимать ничего не буду, обсуждать его в публичном пространстве тоже не стану. Выплесну капучино ему на тыкву и пойду домой. Этого мне более чем достаточно.

Утром я чуть ли не прыгаю в предвкушении реванша. Мне нужно монтировать влог про последнюю поездку в Турцию, а я не могу. Дурацкое волнение мешает сосредоточиться. Около часа я бестолково втыкаю в монитор, а потом отчаиваюсь. Иду на кухню, чтобы убить время чаепитием. Заслышав звон посуды, туда же подтягивается Женька. С несчастным видом. Она

у нас, в принципе, всегда тихая и пытается слиться с местностью, но сегодня глаза у нее уж совсем какие-то потухшие.

Я наливаю сестре чаю, достаю из шкафчика ее любимую соломку и, как бы между прочим, интересуюсь:

– Чего нос повесила?

Она ковыряет пальцем щербинку на столе и вздыхает:

– Да так...

– Неужели влюбилась?

– Вот еще! – сестра смотрит на меня с ужасом. – Ни за что. Я не какая-нибудь ветреная идиотка: пока школу не закончу, влюбляться не стану.

Я с трудом прячу улыбку:

– А чего тогда кислая такая? Кто обидел? Ты это... только намекни – я ему от души наkostenю.

Она возводит глаза к потолку:

– Ника, не надо пытаться улучшить мир насилием. Это так не работает.

– Это мы еще посмотрим. Говори имя, адрес. Я уж разберусь с методами.

– Меня папа достал, – выдыхает она и с задумчивым видом смотрит в окно.

– А поподробней?

Сестра вздрагивает:

– Вот так да!

– Что?

– Бабочка такая красивая у окна пролетела! Ты видела? У нее на хвосте было две завитушки.

– Нет, я ничего не видела, – хмурюсь я. – Расскажи подробней, что у тебя за терки с папой?

Она смотрит сквозь меня и задумчиво улыбается:

– Эта бабочка похожа на ту, что я когда-то видела во сне. По-моему, она будет неплохо смотреться на вазе.

– О нет! – Я невольно закатываю глаза. – Жень, нам твои вазы уже ставить негде. Распиши что-нибудь другое.

– Шторы?

Я оглядываю кухонные занавески, которые сестричка покрыла росписью еще в прошлом году.

– Э...

– Ой, да какая разница! – Сестра проворно достает из кармана кофты блокнот и карандаш. – Придумаю, куда ее пристроить. Сейчас главное – зарисовать эти ее завитушки, чтобы не забыть.

С моих губ срывается беззлобный смешок. Вот и поговорили – называется! Хотя в этом вся Женька. Поймала вдохновение – и забыла обо всем. Она, наверное, и спит в обнимку со своим блокнотом.

Пока сестра рисует, я опять думаю о Петрове, прикидываю, какой стакан капучино заказать, когда мы встретимся с ним в кафе. Маленькой порции мне будет, наверное, мало. Лучше потрачусь на пол-литра кофе, чтоб хорошенько этого гада окатить.

Минут через пять Женька удовлетворенно выдыхает и откладывает блокнот в сторону:

– О чем мы говорили?

– Ты жаловалась на папу.

– А, ну да! – Мечтательное выражение с ее лица моментально пропадает, сменяется грустью. – Папа меня достал. Третий день ходит и гундосит: «Жень, подумай хорошенько, стоит ли тебе связывать жизнь с искусством».

– Так ты вроде уже подумала.

– Ага, я так ему и сказала, что уже вообще-то целый год готовлюсь к поступлению в выбранный вуз. А он все равно не отстает. Говорит, что с профессией учителя рисования много не заработать, и я уже через пару лет после окончания универа пожалею о том, что не пошла, например, на бухгалтера.

– Это он по себе судит, – констатирую я. – Он пожалел. А у тебя все будет по-другому. Ты обязательно добьешься успеха.

– А вдруг он все-таки прав? – Женька вздыхает. – Вдруг мне не повезет, и всю оставшуюся жизнь я буду питаться одними макаронами и ходить в старом пальто?

– Не придется, – почти серьезно говорю я. – Ты забыла, что у тебя сестрица – известный блогер? Я же вот-вот стану миллионершей.

– Обязательно станешь, – поддакивает она. – Но при чем здесь я?

– При том. Мы с тобой одной комплекции: когда я разбогатею, буду регулярно отдавать тебе вещи, которые мне надоели. И у тебя каждый год будет новое пальто. Правда, чуть-чуть поношенное.

Она смеется:

– Фух! Мне сразу полегчало. Надо еще привить тебе нормальный вкус, чтобы ты свои миллионы на всякую фигню не тратила.

– Это да! – соглашаюсь я. – Можешь уже начинать заниматься моим эстетическим развитием! И отращивай лапы, а то с обувью номер не прокатит. У меня нога почти на два размера больше.

– Ничего страшного, – веселится Женька. – Обувь мне тоже отдавай. Я буду туда вату напихивать. Бедные художники, они, знаешь ли, не привередливы. Кстати, против поношенной квартирки я тоже возражать не буду.

– Очень хорошо, – хмыкаю я. – А то я в последнее время волновалась, куда же буду наскучившую недвижимость девать.

– О, кстати, насчет недвижимости! – Женька вдруг хлопает себя ладонью по лбу и подскакивает со стула. – Совсем забыла! Я же, когда недавно ездила в торговый центр за купальником, заскочила на небольшую ярмарку квартир. Целую кучу рекламных листовок для тебя набрала.

Она тут же убегает к себе в комнату, а через минуту возвращается оттуда уже с пакетом макулатуры:

– Вот! Изучай! Там прикольные варианты были.

– Спасибо, Жень. – Я немедленно высыпаю листовки на стол и тщательно перебираю.

За последние месяцы мне удалось неплохо заработать на своих влогах. Когда я сменила концепцию канала и стала вести себя более раскованно, подписчики ко мне хлынули рекой. Еще чуть-чуть подкоплю и смогу позволить себе пусть крохотное, но свое жилье.

Один из рекламных проспектов вызывает у меня особый интерес. «Купи две квартиры-студии и получи скидку в полмиллиона!» – гласит яркая надпись. Ну прямо на большую мозоль! Я всегда мечтала купить сразу две квартиры: одну – себе, другую – Женьке.

Сестра очень помогает мне с влогами, и мне хочется ее за это отблагодарить. А еще я хочу, чтобы она в ближайшие годы развивала свои блестящие способности, а не бегала по подработкам в надежде собрать на первый взнос по ипотеке.

Я осторожно разглаживаю пальцами заманчивый буклет. На бумаге, конечно, все очень красиво. Застройщик обещает уютный дворик с фруктовыми деревьями, спортивную площадку и даже фонтан. Эх, уговорили! Беру! Только подскажите, где денег-то столько взять, чтобы хватило сразу на две квартиры?

Из задумчивости меня выводит Женькин вопрос:

– Ты сегодня куда-нибудь идешь?

– Да, у меня встреча в двенадцать.

Сестра бросает взгляд на часы.

– Тогда тебе, наверное, пора собираться. Уже одиннадцать.

– Серьезно? – Я немедленно подскакиваю на ноги. – Блин! А мама просила еще макароны сварить.

– Я сама сварю! – говорит она, хрумкая любимая соломкой. – Беги по своим делам!

– Спасибо! – кричу я и в ту же секунду несусь в свою комнату – переодеваться.

По дороге в кафе я все еще думаю о приглянувшемся буклете. Мне так хочется прикупить сразу две студии, что аж мурашки по спине бегают. И, конечно, в голове тут же запускается мозговой штурм на тему: а что бы еще замутить на канале, чтобы подписчиков и денег от рекламы стало больше?

Несколько минут мозг тарыхтит вхолостую, а потом я даже спотыкаюсь от посетившей меня вдруг идеи.

А что если согласиться на предложение Петрова? Он все же прав: сотрудничать с ним очень выгодно. Когда люди увидят меня в его влогах, они все хлынут на мой канал, чтобы посмотреть, что я за человек. У меня вырастут просмотры и увеличатся доходы. Круто же! И всего-то надо – отложить свой план с выливанием кофе на голову этого гада. Не отменить, нет! Отложить! Поглумиться над Петровым, как следует, я всегда успею, но сначала мне надо попытаться на нем заработать.

От охватившего меня азарта я невольно ускоряю шаг. Да! Так даже лучше: сначала использую этого придурка в своих целях, потреплю ему нервы и только потом устрою ему душ из капучино.

Я сама не замечаю, как оказываюсь у кафе. В планах у меня было чуть опоздать, но на радостях я прилетела в условленное место ровно в полдень. Ну и ладно! Побуду пунктуальной.

Я толкаю тяжелую дверь и с улыбкой до ушей врываюсь в уютный зал, пропахший арабикой.

В кафе почти нет народа. В углу у стены – какой-то студент с ноутбуком, возле окна – парочка влюбленных. И все! Петрова – нет.

Улыбка медленно сползает с моего лица. Все-таки это пранк! А я повелась, дурочка. На мгновение мне даже хочется застонать от накрывшего меня разочарования.

– Привет, Ника! – говорит знакомый бариста и взгляд его буквально лучится. – Давно тебя не было.

– Много работаю, – бормочу я и пытаюсь прогнать с лица раздосадованное выражение. Не удивлюсь, если парень с ноутом – человек Петрова, и сейчас мою физиономию снимают скрытой камерой.

– Тебе, как всегда, – капучино с ореховым сиропом? – уточняет бариста.

– Давай! – киваю я и на всякий случай строю ему глазки. Вдруг меня и правда снимают? Бариста на глазах розовеет: он светленький, такие легко краснеют.

Мы перекидываемся еще парой слов об общих знакомых, а потом он с излишне сосредоточенным видом варит мне кофе. Я от скуки слежу за его действиями и мысленно костерю себя. Нет, ну надо же быть такой доверчивой!

– Отлично выглядишь сегодня! – говорит бариста, пару раз нервно сглотнув.

– Спасибо.

Так-с, кажется, я перестаралась с кокетливыми взглядами.

К моему самобичеванию примешивается чувство вины. Не хватало только, чтобы парень решил, будто я к нему и правда не равнодушна. Не люблю динамит, а отношения мне сейчас вот совсем не упали. Мне канал надо развивать, на квартиру зарабатывать.

Я отворачиваюсь от баристы и старательно изучаю интерьер. Вот нравится мне эта кофейня и все, нравятся скромные деревянные столики, фикусы на подоконнике и стальные абажуры.

– Держи! – бариста наконец вручает мне чашку, и я, расплатившись, присаживаюсь за второй свободный столик у окна. Раз я здесь, почему бы все же не насладиться кофе? Тем более он тут хорош.

Минут через десять моя чашка пустеет, а разочарование тускнеет. Я с телефона проверяю электронную почту и собираюсь двигать домой. И в этот момент дверь в кофейню распахивается, и на пороге появляется Петров.

– Чертовы пробки! – цедит он и быстро обводит взглядом зал. – И где она?

Он внимательно изучает парочку, пару секунд смотрит на меня, а потом отворачивается, достает телефон.

– Твою мать! Пятнадцать минут уже. – На лице Петрова проступает еще больше досады.

Он присаживается за ближайший столик и начинает кому-то звонить. Я вся подбираюсь и, конечно, развешиваю уши. Интересно же, почему меня проигнорировали.

– Прикинь, она уже ушла, – заявляет Петров, когда его собеседник снимает трубку. – Просто непруха какая-то!

Некоторое время он молча слушает, что ему отвечают, а потом кривится:

– Ну да, может, и вообще не приходила. С нее станется.

Мне смешно. Я встаю со своего места и пересаживаюсь за стол Петрова. Никита смотрит на меня удивленно.

– Тут занято вообще-то, найди себе дру... – он осекается, некоторое время с интересом изучает мое лицо, а потом откладывает телефон. – Привет.

– Привет, – киваю я.

– Извини, что опоздал. В твоём городе слишком узкие улицы и много машин!

Я молчу и тоже внимательно его разглядываю. Он красивый. Кажется, мы будем очень хорошо смотреться в кадре.

– И извини, что не узнал, – добавляет Петров, самодовольно вскидывая подбородок. – Ты в жизни совсем не такая, как на видео. Попроще.

Тон у него весьма нахальный. Я снимаю бейсболку и откладываю ее на край стола:

– Неужели ты думал, что я и по городу рассекаю в коротких платьях и на каблуках?

– Вообще, да, – беспардонно скалится он. – Когда я только зашел в кафе, я принял тебя за мальчика.

Я чуть вздрагиваю. Он что, хочет меня задеть? Не, отчасти он прав: оделась я так себе. На мне растянутая футболка, штаны и кроссовки. Мне не хотелось, чтобы Петров думал, будто встреча с ним для меня повод наряжаться. И все же, не так уж я смахиваю на мальчика – бариста, например, мне даже комплимент отвесил.

– Давай к делу, – говорю я, нахмурившись. – Мой внешний вид за кадром тебя не очень касается.

– К делу так к делу, – кивает Петров и, пересев на мой диванчик, берет меня за руку.

Вид у него чрезвычайно наглый, в глазах пляшут черти.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я с искренним недоумением.

Мне хочется отодвинуться, но диванчик слишком мал, чтобы можно было установить дистанцию.

Петров разворачивает кверху мою ладонь и начинает поглаживать своей. Это очень странно и немного волнующе. На меня нападает совершенно несвойственное мне оцепенение.

– Ну и как? Приятно? – в голосе Петрова прорезаются хриплые нотки. Непривычные. В его видео я подобных интонаций ни разу не слышала.

Я пожимаю плечами:

– В смысле?

– Ты переживала, по поводу того, что у меня потные ладошки.

– Ах, вон ты про что! – Я отталкиваю его руку и нарочито усмехаюсь. – Считай, что этот тест ты прошел.

– Отлично! А то ведь мне пришлось поволноваться.

– Правда?

Он смотрит на меня глазами хищника, присмотревшего добычу:

– Перейдем к тесту номер два. К объятьям и поцелуям!

– Это лишнее! – мотаю головой я, но он игнорирует мои возражения: обхватывает рукой за талию и бесцеремонно прижимает к себе.

Я неуклюже тычусь ему лицом в плечо.

– Ничего не напрягает? – с какой-то нарочитой деловитостью уточняет Петров.

Мне хочется брякнуть что-нибудь язвительное, но на ум ничего не идет. Голову заполняет только одна мысль: от него очень приятно пахнет. Подготовился все же, свинтус, к нашей встрече: душ принял, про парфюм не забыл.

– Так что, тебе норм? – серьезно переспрашивает Петров и слегка проводит свободной рукой по моим волосам.

Мне неожиданно приятно, и это злит. Я отгоняю прочь накатившую вдруг слабость и пытаюсь вырваться из непрошенных объятий:

– Может, хватит уже?

Парочка у окна начинает поглядывать на нас с любопытством.

Петров прижимает меня к себе еще крепче. Он не какой-нибудь задохлик, явно регулярно навещает тренажерку. Я понимаю, что вырваться силой не получится, потому пытаюсь воздействовать эмоционально.

– Петров, ну правда, хватит, – говорю я и угрожающе хмурюсь. – Отпусти.

Он пристально вглядывается в мое лицо, и, кажется, даже собирается ослабить хватку. Но потом у него в голове что-то щелкает – Петров резко наклоняется ко мне и впивается в мои губы своими.

Это уже слишком! Гнев заполняет меня до краев. От возмущения силы у меня прибавляется, и я все-таки отталкиваю этого мерзавца от себя, а потом от души залепляю ему пощечину.

Шлеп! Получается почему-то так звонко, что слышно, кажется, даже на улице.

– Не понравилось? – со смехом уточняет Петров, потирая щеку. – Ну да, признаю, не самый лучший мой поцелуй. Но, если ты перестанешь брыкаться, гарантирую: у меня получится намного лучше.

– Идиот! – почти выплевываю я и, вскочив на ноги, сгребая со стола бейсболку. – А с идиотами я не сотрудничаю, так что – досвидос!

Он хватается меня за руку.

– Подожди, Вероника! Не надо спешить с выводами.

Я дергаюсь. Черт! Какой же он сильный. Кажется, что у него ни один мускул не напряжен, а держит крепко. Знала бы – взяла на встречу свой перцовый баллончик.

– Убери от меня свои клешни! – цежу я и вкладываю всю свою ярость во взгляд. – Наш разговор окончен.

– Ника, все нормально? – окликает бариста. – Нужна помощь?

Вот только внимания со стороны общественности мне и не хватало! Я стреляю глазами в баристу и старательно улыбаюсь:

– У меня все хорошо, не волнуйся. Просто беседую со старым приятелем.

– Если он тебя достанет, скажи, – бариста посылает Петрову неприязненный взгляд.

– Хорошо! – киваю я и снова поворачиваюсь к «приятелю».

– Сядь, пожалуйста, – тихо просит он и демонстративно убирает руку, растопырив пятерню. – Обещаю, что больше даже пальцем не притронусь.

На его лице появляется виноватое выражение. О да! Артистизма этому гаду не занимать! Наверное, нужно уйти, но я медлю. Прикидываю, что важнее: моя гордость, или Женькина квартира. А спустя десять секунд уходить уже как-то глупо. Я присаживаюсь на тот диванчик, на котором до этого сидел Петров. Теперь между нами стол, и мне так намного спокойней.

– Я не с того начал, – говорит мой потенциальный деловой партнер, постукивая пальцами по столу. – Немного ошибся с тем, что для тебя важно. Давай отложим прочие тесты до лучших времен, а сейчас лучше обсудим то, что тебя ждет.

Я не слишком охотно киваю, и он невозмутимо продолжает:

– Я хочу, чтобы ты отправилась со мной в путешествие по Средиземному морю. План таков: сначала разными рейсами мы прилетим в Геную, там сядем на лайнер, и уже на борту, как бы случайно, встретимся. У тебя будет отдельная каюта с окном и приличная сумма на карте, которую ты сможешь потратить на кафешки и магазины. Мне продолжать?

Звучит довольно заманчиво. Но как быть с тем, что он считает меня человеком второго сорта, которого можно лапать, не спрашивая разрешения? Я вдруг понимаю, что не прощу себя, если сейчас же не заставлю его заплатить за допущенную вольность.

Я скрещиваю руки на груди и угрюмо заявляю:

– Мне нужна путевка на двоих.

– В смысле?

– Со мной поедет мой оператор.

Лицо Петрова странно вытягивается. Хе-хе! Он явно не рассчитывал на дополнительные траты. А вот придется раскошелиться, дорогой!

Я откидываюсь на спинку диванчика и спокойно жду решения. Если Петров согласится – будем дальше обсуждать условия. Если нет, я все же пойду домой.

Он явно считывает мою решимость и, хоть и морщится, кивает:

– Ладно, я оплачу путевку на двоих. Но ты должна понимать, что никакие шуры-муры между тобой и этим самым оператором на палубе не допустимы.

Мне смешно. На самом деле, я собираюсь взять с собой Женьку.

– Не волнуйся, – говорю я Петрову. – У меня с моим оператором исключительно деловые отношения. Просто мне нужно, чтобы временами меня кто-то снимал со стороны.

– Это могу делать я.

– Ты будешь заниматься своими видео. И ты не в курсе моих удачных ракурсов.

Он как будто даже расслабляется, на его губы возвращается улыбка.

– По-моему, ты со всех ракурсов выглядишь превосходно.

Сердце у меня почему-то екает. Неужели это комплимент? Хотя стоп, Ника, не расслабляйся. Вспомни все те гадкие комментарии, которые он когда-то лайкал.

– Наш круиз будет продолжаться восемь дней и семь ночей, – продолжает объяснять Петров. – У тебя и твоего оператора есть шенген?

– Конечно.

– Мы посетим шесть европейских городов, да и на борту будет чем заняться.

Я опять напрягаюсь. Мне кажется, или его последняя фраза намекает на пошлости? Петров словно читает мои мысли, на его лице появляется снисходительное выражение.

– Я имею в виду, что на нашем лайнере ежедневно будут проводиться театральные и цирковые представления, а так же всевозможные вечеринки. Мы будем регулярно куда-то выбираться.

– Хорошо, – киваю я. – А что насчет романа?

– Что именно тебя интересует?

– Как мы будем демонстрировать чувства?

– Как подростки! Будем ходить за ручку и смотреть друг на друга вот так, – Петров подпирает подбородок рукой и делает влюбленные глаза (ему, кстати, идет). – Ну и пару раз тебе все же придется меня поцеловать. Справишься?

– Не сомневайся, – с раздражением бурчу я.

Он откидывается на спинку диванчика и заводит руки за голову. Ни дать ни взять – котяра на солнышке, расслабленный и наглый.

– Мне кажется, нам все же лучше как-нибудь порепетировать, – заявляет Петров. – Дело довольно ответственное. Не хочу делать сто-пятьсот дублей из-за отсутствия подготовки.

– Тренируйся на ком-нибудь другом, – цежу я. – А я в своем умении целоваться уверена.

– Неужели такой большой опыт? – его тон вроде бы невинен, а вот губы предательски напряжены в едва сдерживаемой усмешке.

– Не твое дело.

– Ладно. Сориентируемся на корабле. У тебе есть еще какие-то условия?

Я киваю:

– Да! Я не хочу, чтобы ты говорил своим подписчикам, будто спал со мной.

– Вот как? – он опять нагло ухмыляется. – Надо сказать, что ты меня обломала?

Мне так и хочется его чем-нибудь треснуть.

– Просто не делись с подписчиками подробностями – и все. Пусть гадают: было или нет.

– А, понял! Ты любишь атмосферу таинственности...

У меня неприятно холодеет внутри. Нет, он совершенно несносен! Может, мне лучше отказаться от сотрудничества, пока не поздно? Он же явно собрался строить из себя мачо, а мне в его спектакле отведена роль какой-то профурсетки.

Мои пальцы так крепко сжимают столешницу, что костяшки белеют. Петров смотрит на них и качает головой.

– Не надо так нервничать. Я и не собирался комментировать подписчикам наш флирт.

– Поклянись!

– Боже, что за детский сад? – Он смотрит на меня с удивлением. – Может, еще договор кровью подписать?

– Поклянись, или я откажусь.

Он чуть закусывает губу, в его глазах плещется насмешка. В воздухе повисает тягостное молчание.

Эх! Кажется, я все же зря ему ультиматум выдвинула. Скорей, это он сейчас откажется, решив, что можно найти девушку попроще. Тем не менее на попятный я не иду. Мне не хочется, чтобы меня снова полоскали в сети. В конце концов, на квартиру я и без сотрудничества с этим мерзавцем заработаю, просто надо будет чуть дольше вкалывать.

– Ладно, убила, – наконец говорит Петров. – Клянусь! Я не буду говорить подписчикам, что мы переспали, даже если это случится.

– Что? – я чуть не подпрыгиваю от возмущения.

Он наблюдает за моей реакцией с явным удовольствием. Ох! Надо все-таки вести себя сдержанней. Я поспешно возвращаю на лицо безмятежное выражение и чуть надменно улыбаюсь.

– У нас ничего не будет, Петров. Можешь даже не надеяться.

– Печально, – со смехом констатирует он. – А я так рассчитывал совместить приятное с полезным.

Он тут же снова берется за телефон:

– Давай обменяемся контактами. Завтра-послезавтра мой помощник с тобой свяжется, будем бронировать билеты на самолет и каюты на лайнере.

Я киваю и деловито диктую ему свои данные. Мне хочется казаться собранной и деловой. Но, на самом деле, меня почему-то колотит от волнения. Когда Петров делает мне звонок, чтобы я сохранила у себя его номер, я тут же поднимаюсь на ноги:

– Ну все, мне надо идти. Увидимся в Генуе?

На его лице отражается что-то похожее на досаду. Он снова придерживает меня за руку, на этот раз осторожно и мягко:

– А может, сегодня поужинаем где-нибудь вместе? Надо же хоть немного привыкнуть друг к другу.

– Нас могут увидеть твои подписчики.

– Мы выберем какое-нибудь нелюдное место.

– Например, какое?

Он пожимает плечами:

– Можем посидеть у меня в номере. Я закажу хороший ужин, шампанское.

Меня снова захлестывает волна удушающей ярости. Нет, он серьезно думает, что со мной можно вот так? Что я из тех, кого можно сразу приглашать в номер и не церемониться?

Петров снова читает мои мысли и ухмыляется:

– Ох, какая глубокая мыслительная работа на лице! Подсчитываешь шансы не устоять перед моим обаянием? Расслабься! Я не собираюсь к тебе приставать. Я всего лишь хочу узнать тебя получше.

– На корабле у нас будет достаточно времени для знакомства, – бурчу я. – Так что – до свидания!

Мне кажется, или он выглядит разочарованным?

Глава 3. Никита

Ника вылетает из кафе пулей. Я некоторое время гляжу ей вслед, а потом поспешно отворачиваюсь. Что за фигня? Какого черта я тут завис, как пацан из слюнявой киношки?

Я заказываю себе капучино, а потом отзваниваюсь Антону, сообщая, что все схвачено, что он может договариваться о путевках со спонсорами.

Бариста по-прежнему косится на меня, как на врага народа. Остынь, приятель, тебе с Никой все равно ничего не светит! Эта птичка не твоего полета!

Я пересаживаюсь к окну и смотрю на улицу. Краснодар – красивый город. Я бы с удовольствием прогулялся по нему в обществе какой-нибудь смазливой крошки. Вообще, я и летел сюда с надеждой на экскурсию по городу. Думал, Ника гостеприимно покажет мне какие-нибудь знаковые места. Но она оказалась той еще злючкой. Вот уж не ожидал! Мне почему-то казалось, что мы поладим.

В аэропорту, перед отлетом, я немного посмотрел ее канал и остался под впечатлением. Монтаж реально крутой. А еще мне понравилась сама Ника. Она показалась простой адекватной девчонкой, этаким милой кошечкой, которую так и хочется посадить на колени и приласкать.

В жизни она, конечно, другая. Тоже кошечка, но дикая. И глаза у нее такие, будто вот-вот зашипит и вцепится зубами мне в горло. Интересно, из-за чего она так кипела всю нашу беседу? Неужели из-за поцелуя?

Да, наверное, из-за него. Не стоило мне все-таки с порога на нее набрасываться. Впрочем, это и не в моем стиле. Обычно я веду себя с девушками по-другому – мягко и осторожно, а тут даже не дал привыкнуть к себе. Не знаю, что на меня нашло. Просто у Вероники было такое забавное лицо, когда я ее обнял. Меня словно в спину толкнули. И, черт возьми, я ни капли не жалею!

Я вспоминаю вкус Никиных губ, то, как она смешно упиралась своими маленькими кулачками мне в грудь, и кровь сразу собирается в одном месте. Вот только место это отнюдь не голова. Черт! Надо срочно найти себе девушку. Как там дед любит говорить? «Мужику негоже быть голодным – соображалка отключается». Вот и моя, кажись, скоро заглохнет! Меня даже голос этой маленькой злючки заводит. У нее такой интересный, мурлычущий тембр! Таким только всякие пошлости на ухо шептать.

Из задумчивости меня выводит звонок от Антона:

– Никитос, ты там домой собираешься сегодня или нет?

– А чего это ты так волнуешься за меня, мамуля? – беззлобно бурчу я. – Некому за хлебом сходить и мусор вынести?

– Просто сегодня нас с тобой зовут на вечеринку. С цыпочками. Мне чего пацанам говорить: ты подъедешь или останешься налаживать деловые отношения с Клубничкой?

Эх! Прямо по больному проехался. Я бы с удовольствием занялся с Вероникой тимбилдингом у себя в номере. У меня там такая кровать шикарная – просто идеальное место для формирования командного духа.

– Деточка, ты там опять мечтаешь? – хохмит Антон, устав ждать моего ответа.

Я растираю лицо рукой:

– Сейчас все будет. Куплю билет и перезвоню тебе. Думаю, не проблема улететь сегодня.

– Океюшки! А чё, Клубничка? Не приласкала? – не унимается Тоха. – Может, мало денег предложил?

Тон у него странный, я бы даже сказал, заинтересованный. И мне почему-то нестерпимо хочется ему врезать. Хорошо, что между нами сейчас больше тысячи километров.

Я делаю глубокий вдох и тихо хмыкаю:

– Умерь свое большое воображение, Антон. Я предпочитаю не смешивать деловое и личное. Ты же знаешь.

Вечеринка – у Тохиного кореша. В пригороде. Мы долго премяся туда по пробкам, а, когда все же добираемся до гудящего, как улей, коттеджа, я понимаю, что у меня совершенно нет настроения веселиться. В доме тесно, а народу много. А еще музыка какая-то тупая и заунывная. Я прочесываю взглядом толпу на предмет смазливых мордашек и чувствую невыразимую апатию. Есть, конечно, пару сносных цыпочек, но почему-то не цепляют.

Через пару минут я понимаю, что сравниваю их с Никой, потому они мне не нравятся. Они просто не похожи на злючку. Вот подстава! Никогда я еще не был таким избирательным.

Я торопливо опустошаю предложенный официанткой стакан и подкатываю к знойной блондиночке. Ее глаза почти сразу вспыхивают интересом. Я пытаюсь шутить, а она повисает на моей руке и самоотверженно хохочет. У нее классные сиськи, но отстойные духи – слишком сладкие. Я пытаюсь как-то абстрагироваться от этого запаха, но ни фига не получается.

Чтобы помочь себе отвлечься, хватаю блондинку за задницу. Девка хохочет еще громче и никнет ко мне, как собачонка. Не, так не пойдет! Если она продолжит об меня тереться – весь пропахну ее отвратными духами.

Я перепоручаю блондинку какому-то дрыщу и выхожу в сад. Там тоже веселье. Всюду снуют какие-то парочки, а в компании у беседки уже пытаются бить друг другу морды.

– Боже, ты – Никита Петров, да? – возле меня словно из ниоткуда возникает худенькая брюнетка, чем-то похожая на Одри Хепберн.

– Допустим, – говорю я и обнимаю ее за талию.

Она слегка смущается, мягко отводит мою руку:

– Я твоя давняя поклонница.

– Серьезно?

– Да, смотрю все твои видео.

– Круто! – киваю я и улыбаюсь.

Кажется, наконец мой типаж. Настоящая домашняя девочка, мамина радость.

– Ты здесь с парнем? – спрашиваю я на всякий случай.

– Нет, с подругами. – Щеки брюнетки предательски краснеют.

– Хочешь потанцевать?

– С тобой?

Я киваю.

– Почему бы и нет? – говорит она и застенчиво смеется.

Смех у нее приятный – легкий и мелодичный.

Я осторожно беру ее за руку и веду в дом.

– Как тебя зовут?

– Ангелина.

– Очень красивое и необычное имя.

Ее ладонь в моей руке чуть подрагивает.

Когда мы оказываемся в гостиной, где танцуют другие пары, Ангелина становится чуть более расслабленной. Ну и я стараюсь не напрягать – держусь на расстоянии. Мой дед любит повторять: женщина – это скрипка, – перед тем, как играть на ней, ее надо как следует настроить. Я уже не единожды убедился в мудрости этих слов.

Мне везет с музыкой, и я танцую с Ангелиной несколько танцев подряд. Времени даром, конечно, не теряю: шепчу Геле всякие милые глупости об окружающих. И постепенно сокращаю дистанцию. К концу третьего трека Ангелина почти прижата ко мне. Щеки ее полыхают, но отодвинуться она не пытается.

Вот только мои мысли опять сворачивают к Нике. Черт! Держать ее в объятьях было во сто крат приятней.

Ангелина замечает перемену во мне и принимает виноватый вид:

– Что-то не так?

– Кажется, я перебрал, – вру я, отстраняясь. – Мне, наверное, лучше на воздух.

– Хочешь, пойду с тобой?

– Не надо, – я хмурюсь и стараюсь не встречаться с ней взглядом. – Выпей пока чего-нибудь, а я скоро вернусь.

– Хорошо. – Геля смотрит на меня преданными глазами.

Очаровательная девчушка! Надеюсь, не добавлю ей комплексов.

Я выхожу из дома и сразу вызываю такси. К черту тупую вечеринку! У меня был тяжелый день – надо поспать и привести мысли в порядок.

Идея свалить оказывается правильной. Утром я свеж как огурчик, а вот Тоха блеет в трубку что-то про то, что сегодня задержится. Слабак! Я сажаю подвалившего к девяти Валеру за монтаж, а сам набираю Нике.

Она довольно долго не берет трубку. Я уже собираюсь сбросить вызов, как вдруг она все же отвечает:

– Что тебе надо, Петров?

В ее голосе плещется беспричинное раздражение, но мне все равно приятно ее слушать.

– Мне нужны сканы твоих документов, – говорю я, пытаюсь отгадать, чем она занимается.

– Боже! Из-за этого ты звонишь в такую рань?

Неужели она все еще в постели? Маленькая соня...

Мои губы трогает легкая усмешка. Интересно, Ника спит голой или в пижаме? Если в пижаме, она у нее точно какая-нибудь карамельная – с сердечками или цветочками. С ночной сорочкой Ника не вяжется. Сорочки – это для женщин постарше, а у злочки явно шортики и крохотная маечка, под которую я бы сейчас с удовольствием запустил руки.

От нарисованной воображением картины над губой выступает испарина, а ниже пояса наблюдается заметное оживление. Черт! Как бы не забыть, какого фига я вообще звоню этой соне.

Я кое-как отгоняю пошлые мысли и деловито продолжаю:

– Я собираюсь заняться бронированием. Так что, пожалуйста, Ника, сделай над собой усилие и доберись до сканера.

– А может, ты меня разводишь, Петров? – хмыкает она. – Может, ты собираешься взять на мой паспорт какой-нибудь кредит?

Вздыхнув, я провожу языком по верхней губе. Да уж! Голос злочки совершенно невыносим. У меня мысли в косичку заплетаются от ее сексуальных интонаций.

– Давай колись, что у тебя там сломалось, – продолжает мурлыкать Ника, – стиралка или холодильник? А может, ты новый телевизор собрался прикупить?

– Даже мысли о таком не было! Но идею ты подала неплохую, – с наигранным безразличием отвечаю я. – Если что-то забарахлит, обязательно воспользуюсь в магазине твоим паспортом. Сейчас же тебе бояться нечего – я только недавно поменял всю бытовую технику!

Она некоторое время молчит, а потом вздыхает:

– И все же я тебе не доверяю. Давай баш на баш. Ты пришлешь мне скан своего паспорта, а я тебе скан своего.

– На черта тебе мой паспорт?

– Просто так. Это вопрос доверия. Покажи свою уязвимость – тогда я смогу в ответ довериться тебе.

– Ладно, – соглашаюсь я. – Я пришлю тебе паспорт. Но только если ты сейчас скинешь мне селфи.

– Что? – она, кажется, огорошена. – Зачем?

– Это вопрос доверия, – возвращаю я ее же слова. Вру, конечно. На самом деле, мне просто хочется взглянуть на ее пижаму. – Уязвимость за уязвимость. Ты узнаешь мой адрес и сможешь слить его хейтерам, а я взамен погляжу на тебя помятую и заспанную.

– Но ведь ты тоже узнаешь мой адрес, – пытается возражать она. – У нас честный обмен.

– Вообще-то, нет. Я сейчас отвалю немалые деньги на билеты и круиз. Я вкладываюсь куда больше, чем ты. Понимаешь?

И опять я вру. Большую часть трат возьмут на себя наши спонсоры. Но об этом злючке знать необязательно.

– Ладно, – выдыхает она. – Сейчас пришлю тебе что-нибудь.

– Давай. Только, чур, без косметики и без фильтров.

Она сбрасывает вызов, а секунд через двадцать мой телефон сигнализирует о новом сообщении в «Ватсапе». Открываю и победоносно вскрикиваю.

Да я чертов Нострадамус! Ника сфоткала себя через зеркало. На снимке она сидит на постели в нежно-розовой пижаме. Все, как я представлял: крохотная маечка и коротенькие шортики. Глаза злючки взволнованно распахнуты, а губки слегка приоткрыты. Так и хочется провести по ним своим...

Твою ж мать! Опять мысли не в ту степь.

Я перевожу дыхание и снова набираю Нике:

– Ага, получил. Фотка – класс! Сейчас отправлю тебе свой паспорт. И ты тоже не тяни, сканируй уже документы. Кстати, про оператора своего не забудь.

Минут через двадцать она присылает мне все, что нужно. Первым делом я, конечно, заглядываю не в ее паспорт. Меня больше интересует мужик, что так хорошо осведомлен о лучших ракурсах злючки. Хочется, знаете ли, глянуть на эту наглую рожу, что постоянно тычет камерой в декольте моей будущей «девушки».

Мои пальцы застывают на тач-паде. Ну надо же! Оператор злючки вообще не мужик: с фото на меня смотрит совсем юная девчонка. Чем-то она, кстати, похожа на Нику, и фамилия у нее та же. Наверное, это Никина сестра, – думаю я, и в груди разливается странное тепло.

Минут через двадцать приползает Антон. Видок у него такой, будто пару минут назад брат выполз из-под катка: лицо помятое, волосы взъерошенные.

– Я ща сдохну! – твердит Тоха и с опаской придерживает голову руками.

– Не, мамуля, так не пойдет, – ворчу я. – Сначала отработай, как положено, а потом сдыхай. И желательно не у меня дома. Мне труп хранить негде.

– А я тебе говорил, что холодильник надо брать побольше, – бубнит он. – Почему ты никогда не слушаешь мамочку? Мамочка жизнь прожила, а ты... Эх!

– У меня в аптечке было что-то от похмелья. Поройся. – Я встаю из-за ноута и разминаю шею. – И вообще, завязывай уже бухать. Беречь себя надо. В твоём-то возрасте! Двадцать семь – это не восемнадцать – в Древнем Риме ты бы уже отползал в сторону кладбища.

– Во-во! В Древнем Риме было хорошо. А тут меня заставляют впахивать от рассвета до заката. Кстати, ты чего вчера так рано слинял?

Я пожимаю плечами:

– Надоело.

– А кое-кто очень расстроился из-за твоего отъезда.

– Кто?

– Сестра хозяина дома. Она положила на тебя глаз.

– И когда только успела?

– Пока ты кружил ее в танце, наверное.

– Подожди! – оживляюсь я. – Ты сейчас – что, про брюнетку похожую на Одри Хепберн?
– Ага, про нее. Она – двоюродная сестра моего кореша.
– Как тесен мир!
– Она просила скинуть тебе ее телефон, кстати, – Тоха достает айфон и начинает рыться в «Контактах».

– Не надо, – отмахиваюсь я.
– А я все-таки скину! – бормочет он. – Нет ничего хуже руководителя со спермотоксикозом.

– Хм, кажется, кто-то давно не огребал...

Мой телефон тренькает, сообщая об эсэмэске. Тоха подмигивает.

– Не торопись отправлять ее в бан, Никитос. Ничего ведь девочка. Авось будет настроение – звякнешь. Возможно, с ней придется повозиться, зато, зуб даю, она девственница и изголодалась по мужской ласке.

– Слышал бы тебя твой кореш!

Тоха морщится и возводит глаза к потолку.

– Ладно, я – в тренажерку, – говорю я. – Арбайтен, парни! Приду – отчитаетесь.

Раньше, оказываясь за компом, я всегда первым делом заходил на свой канал, но сейчас, после тренировки, почему-то навещаю сначала к Нике. Хотя, в принципе, в моем интересе нет ничего криминального. Она мой деловой партнер – я должен быть в курсе ее дел.

На канале Ники обнаруживается новое видео – про выходные в Стамбуле. Я втыкаю наушники и жму «Плэй». Злючка опять начинает влог с провокации – в крохотном полотенце вещает что-то про хамам. Вроде ничего такого в кадре не происходит, но я залипаю. Пятнадцать минут (столько длится влог злючки) пролетают совершенно незаметно.

Самого Стамбула в видео чертовски мало, зато Ники – достаточно. Треть видео она разгуливает в полотенце, еще треть – в купальнике. Оставшееся время нам предлагается гадать, задерет ли морской бриз ее до неприличия короткое платье.

В душе у меня поднимается легкое раздражение. А где, мать вашу, уютные южные улочки? Где знаменитый Гранд-Базар? Где Босфор?

Но я, конечно, отключаю в себе критика. А может, он сам вырубается от эстетического восторга. Я ставлю Нике лайк и пишу комментарий в духе: восхищен – давай еще. А потом зачем-то кошу глазами на коммы других подписчиков.

«Клубничка, выходи за меня!»

«Я бы вдул».

«Мальшика, я сегодня видел тебя во сне. В эротическом».

«Ну и страшила!»

Взгляд спотыкается о последний выпад, и я буквально на автомате набиваю ответ: *«Проверь зрение, болезный! Ника – красotka!»*

В душе тут же разливается удовлетворение. Даже странно! У себя на канале я уже лет сто хейтерам не отвечаю – не интересно. Я и Тоху так настроил (он иногда переписывается с подписчиками от моего имени): всех недовольных – в игнор.

«Ника, сколько ты стоишь? Почему нигде нет подробного прайса?»

М-да, еще один юморист! И откуда только вы, уроды, вылезаете?

«Отвали от девушки. По-хорошему» – пишу я в ответ на этот перл.

Впрочем, следующий коммент не лучше.

«Никуся, покажи сисечки – задонатю твоему каналу тысяч десять!»

И тут я не могу смолчать: *«Дядя, а шел бы ты...»*

– Ты чего творишь, Никитос? – восклицает подошедший зачем-то Тоха. – На фига ты пишешь Клубничке? Вы только на лайнере должны познакомиться.

– Все нормально, Тох, – отмахиваюсь я. – Я вполне могут быть ее давним фанатом.
– Не надо! – шипит он. – Не надо, блин, самодеятельности.

Резко крутанувшись на стуле, я пронзаю Тоху взглядом. Вид у него, как у разъяренного быка: зрачки сужены, губы нервно подрагивают. Кто-то совсем забыл о субординации? Я угрожающе подаюсь вперед.

– Оставь этот командирский тон, брат. Я сам буду решать, что и когда делать. Не нравится – ищи себе другую работу.

Тоха мигом теряет боевой задор, медленно пятится:

– Я же хочу как лучше.

– Не сомневаюсь.

Мой телефон опять тренькает. Снова «Ватсап». Снова Ника!

Я с трудом прячу идиотскую улыбку. Тут же отворачиваюсь от Тохи и утыкаюсь в телефон. Вот только ожидает меня отнюдь не приятный сюрприз.

«Оставь в покое моих подписчиков!» – пишет злючка. – Какого черта ты вообще забыл под моими видео, рыцарь диванный?»

Вот это да! Я ее тут защищаю, а она обзывается. Мне становится чертовски неприятно. Признаться, я совсем на другую реакцию рассчитывал – пусть не на благодарность, но хотя бы на большее расположение с ее стороны.

«У нас свободный интернет, – отвечаю я, натыкивая кучу смайликов. – Где хочу, там и пишу!»

«О'кей!» – отвечает она голосовым сообщением. – Не понимаешь по-хорошему – отправляйся в бан!»

Я даже ушам своим не верю. Она что, прикалывается? Или ей нравится читать все эти тупые приколы озабоченных?

Я пытаюсь еще что-нибудь прокомментировать и понимаю, что Ника не блефовала. Она реально меня заблокировала. Не, она вообще нормальная? Что-то сомневаюсь.

Захлопнув ноут, я выхожу подышать на балкон. Мелкий дождик спешит плюнуть мне в лицо. Ветер треплет волосы.

Ой, да к черту эту злючку! Тоже мне – королева «Ютуба». Подписчиков – кот наплакал, а самомнение – с Эверест.

Ворона с березы по соседству осуждающе каркает.

Ну да, я тоже хорош! Который день скачу вокруг этой фифы как щеночек – только что хвостиком не виляю. Не стоит она того. Она всего лишь безмозглая кукла с гонором. Пустышка! А то, что я так из-за нее завелся, – это фигня. Это у меня просто с голодухи.

Я нахожу Тохину эсэмэску с номером Ангелины-Одри и, забив последний в контакты, тут же нажимаю на «Вызов». Удача мне благоволит: Ангелина почти мгновенно снимает трубку.

– Да.

– Привет, детка, – я чуть понижаю голос, чтобы он звучал сексуальней. – Встретимся сегодня?

Глава 4. Вероника

Я опять раскачиваюсь на стуле. За линолеум беспокойно, но держать себя в руках не получается. В душе все кипит. А еще хочется немедленно отправиться к Петрову и надеть ему на голову какой-нибудь горшок с фикусом. Вот с какого перепуга он изображает героя у меня в комментариях? Думает, я впечатлюсь и забуду всю ту грязь, что он на меня вылил?

В комнату вваливается Женька, ее щеки полыхают румянцем, а в глазах – нездоровый блеск.

– Слушай, а вот эту кофту брать? – спрашивает она, потрясая перед моим лицом чем-то пушистым.

– Зачем? – вздрагиваю я. – Это же что-то зимнее.

– Но вдруг на лайнере будет холодно вечером?

– Не будет.

Женька обиженно поджимает губы.

– А я все-таки возьму кофту. И шапочку, пожалуй, тоже: мне только отита не хватало!

Я снова вздрагиваю.

– Ты что, уже чемоданы там собираешь, что ли?

Она смущенно прячет глаза. Ужас!

– Жень, мы вылетаем в Геную только через несколько недель! – напоминаю я и качаю головой.

Сестра нервно хихикает:

– Ну ты же знаешь, какая я медлительная! Я как раз к июлю и закончу упаковывать вещи.

– И все же...

– Слушай! – перебивает она. – Я совсем забыла: надо стогнуть в аптеку – закупиться всем необходимым.

– Женя, прекрати панику! – прикрикиваю я, но сестра пулей вылетает из комнаты, а через секунду хлопает входная дверь.

М-да, кажется, сегодня, минимум, один аптекарь в нашем городе станет богаче.

На меня бетонной плитой наваливается чувство вины. Мне казалось, что сестра обрадуется, когда я сообщу ей про круиз, но она, наоборот, ужасно разволновалась. Женька у нас заядлый домосед. Я регулярно вытаскиваю ее из дома, но она так и не втянулась в путешествия. В каждую поездку она собирается так, будто готовится к концу света: обязательно берет с собой компас, жгут для раненых конечностей и охотничьи спички.

И бесполезно объяснять ей, что мы просто погуляем, например, по Сочи, а ночевать вернемся домой. Женька всегда уверена, что все пойдет не так, как запланировано. А еще она не умеет плавать, потому при слове «круиз» даже закачалась слегка. Я, конечно, поспешила напомнить ей о возможности полюбоваться европейской архитектурой, но делу это не помогло.

«Ну ничего! Еще войдет во вкус», – говорю я себе и пытаюсь сосредоточиться на монтаже. Ничего, впрочем, не выходит. С тех пор, как я согласилась работать с Петровым, он постоянно в моих мыслях. Вот и сейчас... нестерпимо хочется понять, какого черта он бросился меня защищать. Неужели осознал, что был не прав полгода назад, и решил загладить вину? Хотя нет, быть этого не может. Такие, как Петров, никогда не испытывают угрызений совести.

Вернувшись из аптеки, Женька устраивает мне сцену.

– Ника, я все-таки не поеду. Я вспомнила, что в четыре года мне снилось, будто я стала жертвой кораблекрушения.

– И что? – невольно ухмыляюсь я. – Мне в том году постоянно снилось, будто меня на костре сожгли, но я, как видишь, на шашлыки регулярно езжу – и ничего.

Женька закатывает глаза.

– Нет, ты не понимаешь...

По ее лицу, мгновенно теряющему краски, становится ясно, что ничего хорошего меня не ждет. Ох, как же не вовремя! Вздохнув, я решаюсь на откровенность:

– Жень, я тебя не просто так с собой зову. Мне нужна твоя поддержка.

– Тебе? Поддержка? – ее глаза широко распахиваются.

Я вкратце пересказываю ей подробности контракта с Петровым. В моем пересказе звучит все довольно дико. Сестра слушает меня открыв рот, а потом медленно мрачнеет.

– Как-то это все странно... Тебе не кажется?

– Именно поэтому я и зову тебя с собой. Мне еще никогда не приходилось изображать чью-то девушку, потому я надеюсь на твои советы. Все же в делах сердечных ты лучше меня разбираешься: постоянно всякие книжки психологические читаешь.

– Ну что ты! – Женька польщено розовеет. – Я же только в теории разбираюсь, а практики у меня ноль.

– А я даже в теории – профан. Некогда мне образовываться: работа сама себя не сделает.

Сестра задумчиво чешет кончик носа, а потом опять бледнеет. Похоже, в голову ей пришел еще один ужастик.

– Ну что опять, Жень?

– Слушай, и все-таки предложение Петрова очень странное. Прямо слишком. Тебе не кажется, что он этот круиз совсем не просто так затеял?

– Конечно, не просто так. Он хочет нашаманить еще пару миллионов подписчиков, хайпануть.

– Да нет же! – машет рукой Женька. – Я не про это.

Она подсаживается ко мне и делает страшные глаза:

– Тебе не кажется, что он решил тебя соблазнить?

– Что?

– Я слышала, сейчас у мажоров модно спорить на девушек, – деловито поясняет сестра. – Типа: не соблазнишь за неделю кого-то определенного – проставляешься.

– Женька, по-моему, у тебя фантазия разыгралась, – бормочу я, а сама как-то сразу напрягаюсь. А ведь что-то в этой безумной гипотезе есть. По крайней мере, она объясняет, почему Петров решил поиграть в защитника. Это он, видимо, в доверие уже пытается втираться, чтобы на лайнере время сэкономить. Но сестре об этом знать необязательно: еще больше запаникует.

– Нет, Жень, ты ошибаешься! – говорю я с наигранной уверенностью. – Хотя даже если он и поспорил там о чем-то – мне-то что? Петров, вообще, не в моем вкусе. Ему ничего не светит.

– Это тебе сейчас так кажется, – ворчит Женька. – А окажешься с ним в замкнутом пространстве – сразу какая-нибудь химия заработает, и голова отключится.

– Так ты поедешь?

На ее лице проступает решимость.

– Конечно, поеду! Я тебя на произвол судьбы не брошу.

Время до круиза пролетает незаметно. Наверное, потому что я все время занята работой. Еще весной я получила несколько приглашений в отели Крыма, так что половину июня азартно кочую из одного в другой – снимаю короткие влоги и наслаждаюсь жизнью. Каждый мой день не похож на другой: передо мной проносятся замки, горные вершины, многолюдные пляжи и вереница вареной кукурузы. И самое классное, что все (ну почти все!) – за счет спонсоров.

В Краснодар я возвращаюсь только накануне вылета в Геную. Настроение у меня боевое, радиус поражения – примерно тридцать метров (именно с такого расстояния мне начинают строить глазки встречные парни). При редких воспоминаниях о сотрудничестве с Петро-

вым настроение, конечно, слегка омрачается, но быстро восстанавливается. В конце концов, я настраиваю себя так: это не Петров берет меня напрокат, это я его арендую.

Женька тоже держит хвост пистолетиком. Не психует и не паникует, только инструктирует маму занудным тоном:

– Если я не вернусь, грохни мою свинку-копилку и передай все, что там есть, в какой-нибудь собачий приют.

Мама, как обычно, слушает ее вполуха, но потом спохватывается:

– А как же я и папа? Мы, конечно, не собаки, но вроде тебе не чужие. Можно нам хоть чуточку из твоих сбережений себе оставить? На мороженое?

Женька багровеет, но потом, видимо, вспоминает о дочернем долге, кивает:

– Оставьте. Но только немного.

Я быстро собираю чемодан по-новому, и мы отправляемся в аэропорт.

В Геную мы летим с пересадкой, потому мне приходится пережить целых четыре панических атаки. Женькиных. Я, в принципе, к ним готова. Пока сестра при взлете и посадке дышит в целлофановый пакет, чтобы успокоиться, я самозабвенно втираю ей про статистику смертности на дорогах. Ведь, как известно, риск погибнуть в автомобильной аварии куда как выше шанса расплющиться в авиакатастрофе.

– Спасибо! – говорит Женька, когда шасси нашего самолета благополучно касаются посадочной полосы Генуи. – Спасибо тебе, Ника за поддержку. Теперь я буду еще и в такси нервничать – переживать за свое здоровье.

– Не будешь, – утешаю я. – Потому что до порта мы поедем на автобусе, а дальше нас ждет вода и ничего кроме нее. Кстати, рассказать тебе о статистике смертности на воде?

Женькины глаза наливаются кровью.

– Не надо.

«Когда поднимитесь на борт, сразу зайди ко мне (номер моего съюта – тринадцать-двасти). Обсудим нашу первую встречу. Надо придумать что-то действительно эффектное!» – именно такие инструкции прилетают мне от Петрова, когда я и Женька проходим регистрацию на лайнер.

«Будет сделано!» – пишу я и ухмыляюсь. Мне, конечно, ужасно хочется поглядеть, как выглядит съют, но я все же совладаю с любопытством. И ни на какое обсуждение не пойду. Вот еще! Рано или поздно мы с Петровым так и так встретимся, а пока пусть понервничает.

Когда я каталась по Крыму, мне пришло в голову, что месть Петрову не должна ограничиваться душем из капучино. Я из-за его январской выходки дергалась целую неделю, вот пусть и он столько же времени проведет на нервах. Он заслужил.

Для того чтобы найти меня было сложнее, отключаю телефон. В конце концов, у меня ведь могла кончиться зарядка? Могла!

Лайнер встречает нас морем огней и зеркал. Женька глядит на все широко распахнутыми глазами, а я расчехляю одну из камер. Пришло время начать влог!

– Привет, ребята! Отгадайте, где я? Нет, это не аэропорт Стамбула! И не торговый центр в Паттайе! Я – на гигантском круизном лайнере, который только в этом году сошел с верфи. Меня ждут восемь дней и семь ночей в Средиземном море. Вы со мной?

Пока я эмоционально болтаю с камерой, Женька чуть колышется березкой в сторонке. Вид у нее такой, будто она вот-вот бухнется в обморок.

Виновато вздохнув, я ставлю запись на паузу.

– Женечек, ау?

– Что?

– Чего бледная такая?

Она делает жалостные глаза.

– У меня, кажется, морская болезнь начинается.

– Нет, Жень, для нее еще рано. Наверное, у тебя просто изжога от гамбургера, который ты ела в автобусе. – Я задумываюсь, как бы привести сестру в чувства, и почти тут же меня осеняет. – Слушай, хватит уже в сторонке стоять! Бери вторую камеру и снимай меня со стороны. Мне пригодятся разные ракурсы на монтаже.

Она кивает и с несчастным видом достает гоупрошку:

– Как именно снимать?

– Как хочешь. Я полагаюсь на твою интуицию.

Снова включив камеру, я увлекаю Женьку к лифтам. Мне не терпится взглянуть на нашу каюту.

Некоторое время сестра снимает меня словно через силу, но постепенно румянец возвращается на ее пухлые щечки. Я прячу улыбку: что ни говори, а камера лучше любого психолога!

Наши чемоданы уже стоят у дверей каюты (персонал постарался!). Мы перетаскиваем их через порог и оглядываемся. Мне очень даже нравится то, что я вижу. В конце концов, Петров мог и сэкономить – приобрести для будущей «девушки» какую-нибудь внутреннюю каюту – тесную клетушку без окна. Но он раскошелился. У нас огромная комната, да еще и балкон имеется – я немедленно выскакиваю туда.

– Вау! Вот это да! – Мне даже говорить тяжело от восторга: у нас восьмая палуба, и Генуя как на ладони. – Жень, иди сюда!

Сестра неохотно высовывает нос из комнаты.

– Погляди, какая красота!

– Ой, нет. Что-то голова кружится. – Женька снова бледнеет и покачивается. – Не подходи, пожалуйста, близко к перилам.

Чтобы не нервировать ее еще больше, я поспешно возвращаюсь в комнату:

– Так, я, пожалуй, прямо сейчас сниму обзор каюты. Посидишь немного в ванной, чтобы не попасть в кадр?

– Конечно! – кивает Женька. – Я еще и душ заодно приму: на меня в автобусе какая-то жуткая тетка накашляла.

Сестра начинает швыряться в чемодане в поисках любимого шампуня. И в этот момент раздается громкий, настойчивый стук в дверь. Бум-бум-бум! Женька вздрагивает и смотрит на меня вопросительно. Я же поспешно прикладываю палец к губам:

– Тсс!

– «Тсс»? – шепотом переспрашивает Женька. – В смысле, «тсс»? Зачем? Мы что, от кого-то прячемся? Что вообще происходит?

Я подсказываю к сестре и зажимаю ей рот рукой.

– Тихо, Жень!

Она пытается брыкаться, но звуков больше никаких не издает. Стук повторяется еще пару раз. Может, я, конечно, зря не открываю, может, это кто-то из персонала, но проверять не хочется.

Выждав почти минуту после того, как в нашу дверь перестают ломиться, я наконец отпускаю Женьку.

– И что это сейчас было? – фыркает она.

– Ничего. Просто я пока морально не готова ко встрече с Петровым. Мне еще с джетлагом, знаешь ли, справиться надо.

– Каким еще джетлагом? У нас с Генуей разница в один час.

– Для моего организма и час – стресс.

Сестра некоторое время косится на меня с подозрением, но все же уходит мыться.

Я снова включаю камеру и старательно нахваливаю каюту. Хорошо, что мой профессионализм уже достаточно высок, чтобы делать это на автомате. Потому что мысли крутятся очень

далеко от всей этой роскоши вокруг. Я упорно перебираю в голове варианты гадостей, которые можно устроить Петрову. К сожалению, на ум никак не идет ничего достойного. Впрочем, это еще не повод расстраиваться: иногда классные идеи приходят по ходу дела.

Покончив с обзором номера и балкона, я вслед за Женькой принимаю душ и переодеваюсь. На смену серым брючкам, надетым в дорогу, приходит короткое розовое платье. Оно меня бесит сильнее Петрова, но мои ноги в нем выглядят умопомрачительно.

– Просто Барби! – присвистывает Женька, когда я надеваю к платью кремовые босоножки на десятисантиметровом каблуке.

Я улыбаюсь и снова берусь за камеру:

– А теперь – гулять! Покажем моим подписчикам местные достопримечательности.

– А как же Петров?

– Подождет!

На третьем ярусе лайнера расположены улицы с магазинами и ресторанами. Я и Женька почти час бродим там с камерами, глазеем по сторонам. Над нами – вместо неба – удивительный потолок-экран, картинки на нем все время меняются. Иногда экран демонстрирует обычные облака, иногда звезды, а периодически – толщу воды с огромным китом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.